

м-15946

КЛАДЪ

ЖУРНАЛЬ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

1907 г. — Книга 23-я.

Безплатное приложение
къ иллюстрированному журналу и газетѣ

„РОДИНА“

1907 г.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

ИЗДАНИЕ А.А.КАСПАРИ

С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЛИГОВСКАЯ УЛ. СЪВ. Д. 114, САДОВАЯ УЛ. 20

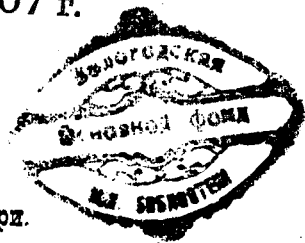
МОСКВА, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНІИ.

„КЛАДЪ“

Журналь
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

Книга 23-я.—1907 г.

Изданіе А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114.

ж 15946

Графическое заведение «Родина» (А. А. Каспари),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Дума безъ маски.

(Иллюстрація момента.)

Третья дума живетъ и даже дѣйствуетъ...

Мало того, „третьедумцы“ намѣрены даже въ самомъ непродолжительномъ времени развѣхаться: никакъ нельзя иначе — праздники на носу...

Последнее весьма характерно: пока дума рѣшительнаго еще не сдѣлала, но разъ праздникъ, такъ отчего же и не попраздновать! Дѣло вѣдь не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить.

Если дума и сдѣлала что, такъ это—дала возможность по-разглядѣть, что она такое.

„Оселкомъ“ третьей думы явился ея отвѣтъ на декларацію правительства, и этотъ отвѣтъ какъ нельзя лучше обрисовалъ истинную физиономію думы, этотъ отвѣтъ сбросилъ съ третьей думы надѣтую на нее извѣстнымъ закономъ 3-го іюня маску. Послѣ этого дума появилась предъ народомъ безъ маски, да, именно, „безъ маски“...

Когда это произошло, всѣ увидали нѣчто дряблѣе, расплывшееся, весьма способное ко всякому языкоболтанію, но врядъ ли могущее быстро вершить живое дѣло.

Министръ-премьеръ прочелъ декларацію властно, съ сознаниемъ силы. Последнее сквозило въ каждомъ предложеніи, въ каждомъ сочетаніи мыслей. Утверждаютъ, что это—совсѣмъ не та декларація, которая была приготовлена сперва. Когда дума составила отвѣтныи всеподданныйшій адресъ, не упоминая въ немъ ничего о самодержавіи, г. Столыпинъ передѣлалъ всю декларацію совершенно „въ другой тонъ“ — грозный и властный. Дума растерялась и сбросила съ себя маску.

Рѣчи всѣхъ лидеров—гр. Бобринскаго, гр. Уварова, М. Я. Капустина и П. П. Милюкова не являли собою ничего особеннаго.

Въ нихъ не было ни опредѣленныхъ требованій, ни опредѣленныхъ пожеланій. Слабѣ всѣхъ были рѣчи гр. Уварова и М. Я. Капустина, а между тѣмъ онѣ-то и должны были быть самыми значительными отвѣтными рѣчами. Октябристы въ думѣ

—главенствующая партия, и все, что говорится отъ имени этой партіи, должно имѣть особенное значеніе.

И вдругъ вмѣсто „значенія“ обильный каскадъ словъ — и только.

А послѣ этого и поплыло, и поплыло.

Всѣ фонтаны, о которыхъ Кузьма Прутковъ говорилъ, что ихъ нужно заткнуть, разоткнулись и Таврической дворентъ былъ положительно наводненъ, затопленъ...

Воды краснорѣчія разлито было море, въ самомъ дѣлѣ, цѣлое море! И повинны въ этомъ исключительно октябристы. Выставленные ими ораторы говорили все объ одномъ и томъ же — какой строй въ Россіи, конституціонный или самодержавный? Другими словами, они въ одномъ засѣданіи высказывались по существу вопросовъ предыдущаго.

Но мало того, они оказались даже способными на тактическія ошибки.

Изъ думы былъ выгнанъ со скандаломъ, трехэтажностями и пр. того же рода „прелестями“ Родичевъ, употребившій неумѣстное выраженіе. Ошибка, конечно, не въ томъ, что „выставили“ зарвавшася ка-дета; суть ошибки въ томъ, что ему не дали договорить до конца, благодаря чему онъ получилъ возможность увѣрять, что дальнѣйшая его рѣчь содержала такія выраженія, которыя все имъ сказанное раньше обращали въ панегирикъ совѣту министровъ. Если г. Столыпинъ остался безъ ка-детскаго фиміама, то теперь въ этомъ оказались виноватыми думскіе скандалисты, Родичевъ же сталъ жертвой — такъ по крайней мѣрѣ рѣшило общество.

Вотъ послѣдствіе тактической ошибки октябристовъ и ихъ сосѣдей справа. Они позабыли послѣсловіе къ крыловской баснѣ „Пустынникъ и Медвѣдь“ и съѣли въ лужи.

Да, съѣли, и не одинъ даже разъ.

Въ завершеніе думскаго сужденія о деклараціи были внесены шесть формулъ — и ни одна изъ нихъ не была принята. Это доказываетъ лишь то, что, какъ у товарищей въ крыловскомъ „Квартетѣ“, у думцевъ все еще „согласія нѣтъ“...

Какая же это дума безъ согласія?

Но что же дѣлать, если это необходимое думское согласіе расплылось въ морѣ ни къ чему ненужнаго краснорѣчія!

Непринятіе ни одной изъ формулъ знаменуетъ прежде всего полное пораженіе октябристовъ. Они воочію показали себя совершенно неспособными къ сплоченію и дѣйствующими враздробь.

Хорошо еще, что въ данномъ случаѣ дѣло не представляло

практически-жизненной важности, а если бы то же самое произошло при обсужденіи какого нибудь важнѣйшаго для всей страны закона? Тогда что? Вѣдь народъ остался бы безъ необходимаго закона и во всякомъ случаѣ не поблагодарилъ бы за это своихъ избранниковъ.

Въ засѣданіи, когда выступилъ съ деклараціей министръ финансовъ Коковцевъ, показала себя безъ маски и оппозиція. Октябристы сидѣли смиренхонько и выступать съ критикой финансовой политики правительства не рѣшились. Это принялъ на себя кадетъ П. Н. Милюковъ и... провалился. Онъ выступилъ противъ г. Коковцева, очевидно, безъ достаточной подготовки, сыпалъ цвѣты краспорѣчія, приводилъ непровѣренныя справки и далъ Коковцеву возможность разбить себя и въ пухъ, и въ прахъ.

Слабы главенствующіе, слаба оппозиція, все въ общемъ плачевъ... Наступленіе праздниковъ, что ли, сказывается въ этомъ?..

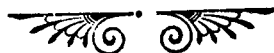
Впрочемъ, Богъ дастъ, „подучатся“ еще... не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ...

Желаніе.

Долой неправду, ложь долой!
Да возсіяетъ, солнца краше,
На счастье радостное наше
Заря правдивости святой!
Не нужно хитрости; одна
Святая правда жить должна,
И пусть душѣ приносить слухъ
Однѣ восторженныя вѣсти
О добротѣ, прощеньѣ, чести,
О томъ, что свѣтъ ихъ не потухъ,
О царствѣ мирнаго труда—
Воскреснетъ наша Русь тогда!

С. В. Тихомировъ.

Въ государственной думѣ.

Восьмое засѣданіе—17-го ноября.

Второй день обсужденія правительственной деклараціи въ восьмомъ засѣданіи государственной думы (17-го ноября) вышелъ очень печальнымъ днемъ въ жизни нашего молодого парламента. За неосторожное слово, сорвавшееся въ экстазѣ ораторскаго увлеченія у депутата Родичева, правые устроили такой скандалъ, какіе рѣдкостью считаются даже... въ австрійскомъ рейхсратѣ.

Ничуть не желая оправдывать г. Родичева, все же приходится сказать, что въ происшедшемъ болѣе виноваты правые, чѣмъ онъ. Если бы они не устроили неслыханнаго скандала, г. Родичевъ былъ бы виноватъ одинъ и общество осудило бы его. Первые же своимъ поведеніемъ сняли съ него большую часть вины и перенесли на себя. Впрочемъ, они все же очень довольны. Больше того—они благодарны г. Родичеву: онъ далъ имъ поводъ устроить скандалъ, а, благодаря этому скандалу, было сорвано засѣданіе, первоначальное теченіе котораго указывало на то, что обсужденіе деклараціи въ немъ будетъ закончено, и закончено въ пользу оппозиціи.

Засѣданіе открылось рѣчью лидера ка-детовъ—П. Н. Милюкова. Онъ говорилъ, что его задача помочь отличить звѣзды отъ блуждающихъ огней. По мнѣнію оратора, предсѣдатель совѣта министровъ недостаточно безстрастно приступилъ къ выполненію своей программы. Первая половина его рѣчи попрежнему состоитъ изъ угрозъ къ чиновникамъ и судьямъ, школѣ и педагогамъ. Вся система репрессіи остается прежней, но это не политика силы: если власть попрежнему позволяетъ себѣ бить стекла, гдѣ же успокоеніе? Предсѣдатель совѣта министровъ не упомянулъ даже о манифестѣ 17-го октября, замѣнивъ его сухой ссылкой на манифесты вообще. Въ связи съ этимъ исчезли всѣ законопроекты, необходимость которыхъ обуславливается манифестомъ 17-го октября. Теперь на первую очередь выдвигаются лишь двѣ реформы: земельная и о мѣстномъ самоуправленіи. По мнѣнію оратора, идеаль мелкой земельной собственности—не русскій идеаль, во всякомъ случаѣ не русская дѣйствительность, а переводъ съ нѣмецкаго. „Вмѣсто предлагавшагося нами принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, намъ предлагаютъ принудительное отчужденіе надѣльныхъ земель въ частныхъ интересахъ многоземельныхъ крестьянъ“.—сказалъ П. Н. Милюковъ. Источ-

никомъ поворота государственной мудрости въ сторону такого рѣшенія земельного вопроса ораторъ считаетъ постановленія совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ, и въ дѣлѣ мѣстной реформы правительство идетъ навстрѣчу желаніямъ того же совѣта. Этимъ объясняется созданіе параллельно государственной думѣ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Этотъ источникъ правительство считаетъ путеводной звѣздой, „мы же, — какъ заявилъ ораторъ, — считаемъ его блуждающимъ огнемъ“. Переходя къ слѣдующей части своей рѣчи, Милюковъ высказалъ, что оффиціальныи отдѣлъ предыдущаго засѣданія не закончился рѣчью предсѣдателя совѣта министровъ: онъ нашелъ свое продолженіе въ рѣчи графа Бобринскаго, и если правительство не хотѣло прежде работать съ народными представительствомъ, то теперь дума, вѣроятно, станетъ работать съ правительствомъ. Отношеніе кадетовъ къ программѣ правительства осторожное: кадеты охотно подадутъ руку центру въ его борьбѣ за защиту конституціи, въ его борьбѣ за демократическія реформы, но никогда не пойдутъ съ ними по пути классовыхъ интересовъ и не возьмутъ на себя совмѣстной съ нимъ отвѣтственности предъ потомствомъ и страной.

Послѣ г. Милюкова выступилъ В. М. Пуришкевичъ. Этотъ ораторъ былъ въ особенности въ ударѣ 17-го ноября. Своей задачей онъ поставилъ поученіе всѣхъ партій, и особенно польскаго коло, и не простое поученіе, а основанное на литературѣ, исторіи, финансахъ и проч., и проч., до естествознанія включительно. Мудрено ли, что ораторъ безбожно путалъ, приводилъ имена „совсѣмъ изъ другой оперы“. Но это нисколько не смущало г. Пуришкевича. Да ему можно было и простить; онъ самъ откровенно признался, что возможность вскрыть предъ собравшимся свои энциклопедическія способности онъ получилъ вслѣдствіе того, что предъ самымъ засѣданіемъ изучалъ цитируемое имъ.

Онъ жонглировалъ именами и перетякивалъ писателей изъ одного столѣтія въ другое. Въ списокъ, который онъ читалъ думѣ, не рассчитывая на свою память, такъ какъ готовился къ лекціи спѣшно послѣ рѣчи депутата Дмовскаго, онъ занесъ и г. Эразма Пильца, бывшаго редактора „Краю“. Этому журналисту онъ приписалъ громадное вліяніе на умы польскаго общества. Желая похвастать предъ подавленной аудиторіей, онъ перечислил, кромѣ г. Пильца, еще полторы дюжины знаменитыхъ польскихъ писателей. Эти знаменитые писатели, по слов. „Рѣчи“, оказались всѣ.. псевдонимами того же Эразма Пильца.

О границахъ и извилинахъ рѣчи можно судить по перечню именъ, которые г. Пуришкевичъ упомянулъ. Вотъ они: Желябовъ, Перовская, Караковъ, Бисмаркъ, Рудинъ, Тентетниковъ, Обломовъ, Ча-

адаевъ, Герценъ, Пушкинъ, Ромапъ Дмовскій, Познань, Силезія, Момзенъ, опять Бисмаркъ, Габсбурги, Палацкій, Штосмайеръ, Францъ Іосифъ, корона св. Вацлава, Сташницъ, Викентій Польш, Игнатій Головинскій, Александръ Велепольскій, Крашевскій, Конопницкая, Ожешко, Юноша, Сенкевичъ, Болеславъ Прусь, Петръ Великій, Японія, опять Францъ Іосифъ, Ипполитъ Тэнъ, Сперанскій, императоръ Александръ I, Штейнъ, Баку, Елисаветградъ... Короче говоря, полное собраніе энциклопедіи Брокгауза и Эфрона. Депутатъ Пуришкевичъ прямо ошеломилъ думу и, конечно, его ученость и разносторонность почтили аплодисментами.

На рѣчи г. Пуришкевича депутаты въ засѣданіи могли отдохнуть отъ серьезнаго. Но сразу же послѣ этого отдыха началась рѣчь Ф. И. Родичева. Въ „Нов. Времени“ советѣмъ нѣтъ поклонниковъ этого страстнаго ка-дета, но слушавшій г. Родичева въ засѣданіи 17-го ноября корреспондентъ „Н. В.“ такъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ его рѣчи:

„Можно соглашаться или не соглашаться съ содержаніемъ его рѣчи, но необходимо признать, что она была произнесена съ выдающимся темпераментомъ, съ необычнымъ подъемомъ той высшей энергіи, которою отмѣчены прирожденные ораторы. Можно спорить съ пониманіемъ національнаго вопроса и патриотизма, развитымъ ораторомъ; но нельзя не признать, что ни самъ Родичевъ, ни какой бы ни было другой депутатъ во всѣхъ трехъ думахъ никогда не захватилъ парламента съ равною силою. Родичева прерывали, но его слушали съ болѣзненнымъ вниманіемъ“.

Въ оффиціозѣ ка-детской партіи— „Рѣчи“—впечатлѣніе, которое производилъ на присутствовавшихъ въ этомъ засѣданіи г. Родичевъ своей рѣчью, описано такъ:

„Смѣлой рукой обнажалъ онъ тѣ фразы деклараціи, въ которыхъ подъ кровомъ культуры и права притаилось біеніе политическаго пульса правыхъ... Тяжкимъ молотомъ кованнаго изъ желѣза слова ронялъ онъ ударъ за ударомъ на головы тѣхъ, кто вчера такъ неистово аплодировалъ заявленіямъ министра. И смѣлость его слова не встрѣчала протеста. Сидящіе направо и шумно прерывающіе обыкновенно самое безобидное слово ораторовъ слѣва во многихъ мѣстахъ рѣчи, точно пришибленные, сидѣли и слушали, слушали молча, не двигаясь, не смѣя крикнуть. Родичевъ сковалъ ихъ магнетической силой внушенія, побѣдилъ великимъ пафосомъ истиннаго вдохновенія и убѣжденія. Но въ невольной скованности позъ, въ чернымъ свѣтомъ горѣвшихъ глазахъ, въ подавленныхъ впередъ и застывшихъ туловищахъ чувствовалась напряженность крѣпко натянутого лука... Еще одно слово, еще полуслово—и напряженіе лопнетъ, и стрѣла вырвется и полетитъ со страшной силой... И,

когда Родичевъ бросилъ слово, въ которомъ легко можно было схватиться за „личное оскорбленіе“,—разразилась буря!

„Ораторъ говорилъ о русскомъ гражданствѣ, о національномъ достоинствѣ, о правѣ, о законѣ, о чувствахъ, которыя живутъ въ душѣ каждаго русскаго человѣка, любящаго свою родину. Рѣчь была элементарна по темѣ, но могуча, какъ тѣ чувства, которыя она будила; она была проникнута негодованіемъ, которое дается только великой любовью; она звучала страстной силой убѣжденія, вѣрой въ побѣду права надъ силой; она была проникнута тѣмъ вдохновеніемъ, которое заражаетъ независимо отъ того, согласенъ ли слушающій, или не согласенъ. Когда Родичевъ говорилъ національности, о томъ, что такое истинный націонализмъ въ противобѣдѣ національному человѣконенавистничеству, то казалось, что онъ взялъ дорогое и близкое всѣмъ чувство, очистилъ его отъ всего грязнаго и жестокаго, отъ всего, что набросили на него представители казеннаго „патріотизма“ и исконныхъ началъ, и развернулъ его во всей его чистотѣ и силѣ.“

Родичевъ былъ прерванъ, когда онъ произнесъ слѣдующую фразу:

„Въ то время, когда русская власть въ борьбѣ съ эксцессами революціи, видѣла только одно средство, одинъ палладіумъ вашей побѣды въ петлѣ, которую г. Пуришкевичъ называетъ муравьевскимъ воротникомъ и попомокъ Пуришкевича, быть можетъ, назоветъ столыпинскимъ галстухомъ...“

Тутъ произошло нѣчто неописуемое. Корреспондентъ „Б. В.“ такъ описываетъ событіе:

„Еще не замолкли послѣднія слова Родичева, какъ вся правая дума вскакиваетъ. Но это—одинъ только моментъ столбняка. Десятки рукъ изо всей силы стучатъ кулаками по юпитрамъ. Пустые внутри, они служатъ прекрасными резонаторами. Десятки голосовъ, сливаясь въ общемъ гулѣ, кричатъ: „Вонъ! Долой!“ Хомяковъ звонить. Виденъ только качающійся колокольчикъ. Звона не слышно. Другіе члены думы угрожающе машутъ руками и показываютъ Родичеву кулаки. Часть депутатовъ, во главѣ съ Пуришкевичемъ, срывается съ мѣстъ и бросается къ ораторской трибунѣ. Еще мгновеніе—и около нея вырастаетъ конвульсивно сжимающаяся рѣшетка изъ высоко поднятыхъ рукъ, собранныхъ въ кулакъ.“

„Родичевъ стоитъ неподвижно, опершись обѣими руками о трибуну, и кулаки доходятъ до половины его груди. Въ залѣ стоитъ дикій, несмолчный шумъ. Слышится угрозы, ропотъ негодованія, крики возмущенія. Оппозиція не покинула своихъ мѣстъ, но вскочила. Всѣ лица направлены на Родичева. Растерявшійся Н. А. Хомяковъ и оба его товарища незамѣтно скрываются съ предсѣдатель-

ской трибуны. За ними исчезает и секретарь. Старшему помощнику уйти нельзя: его мѣсто со стороны правыхъ, какъ разъ тамъ, гдѣ узенькій выходъ запрудила разгоряченная и развирѣившая толпа депутатовъ. Н. А. Столыпинъ стоитъ ошеломленный, потомъ круто поворачивается и медленно уходитъ за колонны изъ зала засѣданія. Министры ушли раньше, при первой же вспышкѣ.

„Крики: „вонъ! долой!“—не прекращаются. Чувствуется, что если Родичевъ не покинетъ трибуны, толпа депутатовъ перейдетъ въ еще болѣе энергичное наступленіе.

„Убѣгая съ президіумомъ, Н. А. Хомяковъ не отдалъ никакихъ распоряженій; пристава думы не имѣютъ права водворять порядокъ безъ порученія предсѣдателя. Но опасность налицо. Нельзя медлить ни минуты, можетъ произойти нѣчто ужасное. Приставъ Старицкій протискивается черезъ плотно сомкнувшуюся толпу, готовую уже на физическое насиліе, однимъ взмахомъ вскакиваетъ на ступени трибуны, наклоняется къ Родичеву. Послѣдній пожимаетъ плечами и медленно, спокойно сходитъ. Его окружаютъ, стискиваютъ надъ его головой поднятые кулаки.

„Тогда съ лѣвыхъ скамей срываются депутаты, перепрыгиваютъ ступеньки, бѣгутъ, точно готовясь къ защитѣ. Толпа сгрудилась въ выгнутомъ проходѣ между депутатскими мѣстами и предсѣдательской трибуной... На угрозы и крики правыхъ раздаются крики оппозиціи. Вотъ... вотъ...

„Какъ это случилось — я не знаю. Все это произошло такъ быстро. Описанное здѣсь заняло менѣе минуты. Но вдругъ двѣ враждебныя партіи разступились. Шумъ голосовъ покрываетъ крикъ Уварова. Онъ требуетъ вниманія. Толпа настораживается. Но ее отвлекаетъ одновременно и другое.

„Тѣмъ временемъ на ораторскую трибуну вбѣгаетъ Крупенскій, кричить, полный негодованія, и съ высоты занесенныхъ надъ головой рукъ стучить, что есть мочи, кулаками по трибунѣ. Его смѣняетъ Марковъ 2-й. Но тогда на кафедру вбѣгаетъ помощникъ пристава съ серебряною цѣпью на груди и обѣими руками охватываетъ стѣнки кафедры. Два другихъ помощника пристава становятся съ боку и собственнымъ тѣломъ и руками загораживаютъ проходы. Достапа на кафедру больше нѣтъ...

„Тѣмъ временемъ гр. Уваровъ умиротворяетъ обѣ стороны. Кто знаетъ, удалось ли бы ему!..

„Выходъ находить Родзянко. Могучій бархатный басъ его несетъ по залѣ: „Фракція союза 17-го октября покидаетъ собраніе!“ Это—сигналъ. Родзянко надушилъ депутатовъ. „По фракціямъ! По фракціямъ!“—раздается еще одинъ голосъ. Потомъ сразу нѣсколько

голосовъ, и мало по малу всѣ депутаты воодушевленно повторяютъ этотъ крикъ, точно предъ сраженіемъ.

„Засѣданіе фактически прервано. Залъ быстро пустѣетъ. Еще въ дверяхъ депутаты кричатъ: „По фракціямъ, по фракціямъ!“, — оглядываются на отставшихъ и зовутъ ихъ.

„Уже изъ своего кабинета предсѣдатель думы сообщилъ приставамъ, что назначаетъ перерывъ на одинъ часъ“.

Въ кулуарахъ самъ г. В. Бобринскій рассказывалъ, что онъ сломалъ свой шюпитръ.

Колота шюпитръ, г. Крупенскій раскровянилъ свои руки. На другой день онъ появился въ кулуарахъ даже съ подвязанной рукой. Выяснилось, что г. Пуришкевичъ хотѣлъ пустять въ г. Родичева стаканомъ.

Во время перерыва, по требованію, предъявленному г. Родичеву отъ имени Петра Аркадьевича Столыпина—Петромъ Михайловичемъ фонъ Клауфманомъ, княземъ Борисомъ Александровичемъ Васильчиковымъ, Петромъ Алексѣевичемъ Харитоновымъ, Дмитриемъ Александровичемъ Философовымъ и Иваномъ Григорьевичемъ Щегловитовымъ, присутствовавшими при произнесеніи г. Родичевымъ упомянутой рѣчи,—извиниться въ присутствіи свидѣтелей до возобновленія засѣданія государственной думы и независимо отъ рѣшенія ея по этому вопросу, — г. Родичевъ явился въ кабинетъ предсѣдателя совѣта министровъ и въ присутствіи Николая Алексѣевича Хомькова и Николая Николаевича Львова принесть требуемое извиненіе.

Нѣкоторыя газеты сообщили, что П. А. Столыпинъ, въ отвѣтъ на принесенное извиненіе, сказалъ Родичеву: „Я васъ прощаю“. Самъ г. Родичевъ говорилъ, что онъ рѣшилъ извиниться раньше даже предъявляющія требованія, такъ какъ увидѣлъ, что его слова приняты за личное оскорбленіе, хотя онъ говорилъ объективно.

Засѣданіе возобновилось раньше, чѣмъ черезъ часъ. Н. А. Хомьковъ вошелъ на свое мѣсто, видимо, страшно взволнованный; замѣтно даже было, что онъ дрожалъ. Дрожащимъ голосомъ, съ нескрываемыми огорченіемъ и даже признаками гнѣва онъ обратился къ думѣ:

„Господа члены государственной думы. Позвольте обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою дать возможность избранному вами предсѣдателю дѣйствительно предсѣдательствовать. Господа, умоляю васъ и на нынѣшнемъ собраніи, и на будущихъ собраніяхъ помнить, что въ ваши руки Высочайшею Волею данъ священный сосудъ, чистоту и неприкосновенность котораго каждый изъ васъ долженъ блюсти, какъ самого себя. Покорнѣйше прошу не забывать этого и не заставлять вашего предсѣдателя закрывать собраніе и говорить такіа тяжелыя слова, какъ тѣ, которыя я вынужденъ сказать сейчасъ.

Что касается члена государственной думы Родичева, то, полагаю, въ виду того, что онъ былъ виновникомъ всего того, что случилось, въ виду того, что онъ позволилъ себѣ оскорбить высшаго представителя правительства Его Императорскаго Величества, позволилъ себѣ оскорбить его въ стѣнахъ этого почтеннаго собранія, предлагая собранію примѣнить къ нему высшую мѣру взысканія, то есть удаленіе его изъ собранія на 15 засѣданій. По наказу членъ государственной думы Родичевъ имѣетъ право дать свои объясненія, и никакихъ преній по этому вопросу не допускается. Затѣмъ мы перейдемъ къ баллотировкѣ“.

Ф. И. Родичевъ вошелъ на трибуну и сказалъ:

„Я беру свои слова назадъ. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ни государственную думу, ни депутата Пуришкевича, ни, тѣмъ болѣе, предсѣдателя совѣта министровъ. Я принесъ свои личные извиненія предсѣдателю совѣта министровъ и настаиваю въ настоящую минуту только на одномъ: въ мои намѣренія никакихъ оскорбленій не входило и слова мои должны быть восстановлены въ stenogrammѣ въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ произнесъ. Я думаю, что современемъ вы сами убѣдитесь въ томъ, что то, что я сказалъ, не только было сказано совершенно искренне, но и соответствуетъ полной объективной правдѣ. (Голоса справа: „Это не извиненіе!“).

Предсѣдатель поставилъ на баллотировку вопросъ объ исключеніи г. Родичева на 15 засѣданій и попросилъ несогласныхъ съ этой мѣрой наказанія встать.

Встала лѣвая сторона думы. Встало было трое правыхъ, но сосѣди ихъ тотчасъ усадили. Послышались крики: „Считать!“ . Подсчетъ показалъ, что только 96 членовъ думы противъ такого строгаго наказанія.

Послѣ этого слово „по личному вопросу“ принадлежало г. Бобринскому и Пуришкевичу, но они отказались. Въмѣсто нихъ на кафедрѣ неожиданно появился г. Крупенскій и предложилъ отъ многихъ лицъ выразить уваженіе главѣ русскаго правительства. „Дума должна выразить свою несолидарность съ дозволившимъ въ ея стѣнахъ оскорбить предсѣдателя совѣта министровъ, — заявилъ онъ. — Я предлагаю сдѣлать это апплодисментами главѣ правительства“.

Предложеніе было принято всѣми, кромѣ социаль-демократовъ. Даже лидеръ ка-детовъ П. Н. Милюковъ всталъ и, повернувшись лицомъ къ предсѣдателю совѣта министровъ, апплодировалъ.

П. А. Столыпинъ всталъ и, видимо, взволнованный нѣсколько разъ поклонами благодарилъ думу за овацію. На этомъ и кончилось знаменитое засѣданіе.

Девятое засѣданіе—20-го ноября.

Еще въ засѣданіи 17-го ноября, когда крайніе правые окончательно установили за собою званіе присяжныхъ думскихъ скандалистовъ, у всѣхъ въ умахъ и на языкѣ вертѣлся вопросъ: а что же представители руководящей партіи, что же господа октябристы, чего же они молчатъ?.. Бывшій октябристъ, ушедшій изъ партіи, привать-доцентъ г. Пиленко, пишущій отчеты о думскихъ засѣданіяхъ въ газетѣ „Новое Время“, описывая засѣданіе 17-го ноября, писалъ:

„Не могу не отмѣтить того удивительнаго обстоятельства, что руководящая парламентская партія—октябристы, до сихъ поръ молчатъ. Вчера Родзянко, записанный тотчасъ же послѣ Вобриискаго, отказался отъ слова. Сегодня чуть было не прошло ограниченіе рѣчей 10 минутами, несмотря на то, что о министерской деклараціи не высказался еще ни одинъ изъ представителей руководящей партіи. Это обстоятельство было справедливо отмѣчено Родичевымъ, послѣ краткаго выступленія котораго десятиминутная норма была отвергнута и ка-детами, и октябристами. Слѣдовательно, октябристы еще будутъ говорить. Странно, что они такъ тянутъ. Оставить министерскую декларацію безъ всякаго отвѣта, ограничившись лишь двухминутнымъ выступленіемъ Гучкова, конечно, невозможно для партіи, только что еще дебютирующей въ области парламентской политики“.

И не одинъ г. Пиленко удивлялся: чего же господа октябристы тянутъ и молчатъ? Удивлялись этому всѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали засѣданія 20-го ноября.

Наконецъ 20-ое ноября наступило, засѣданіе государственной думы состоялось. Оно тянулось до 12½ часовъ ночи. Ораторы руководящей партіи наконецъ выступили, но вотъ какое получилось впечатлѣніе у того же г. Пиленко:

„Засѣданіе напомнило мнѣ самыя безпросвѣтныя, самыя нудныя засѣданія первой и второй думъ. Говорилъ кто хотѣлъ и о чемъ хотѣлъ. Пренія не двигались ни на шагъ впередъ, такъ какъ ораторы, не отражая какого нибудь опредѣленнаго партійнаго лозунга, лишь стремились высказать, въ болѣе или менѣе неудачной формѣ, то, что имъ, ораторамъ, приходило въ голову. Благодаря такому складу сегодняшнихъ преній, я даже лишень возможности сводить отдѣльныя рѣчи къ тѣмъ сокращеннымъ схемамъ, которыя я обыкновенно употребляю. Сокращать рѣчи можно тогда, когда онѣ развиваютъ или отвергаютъ опредѣленную, данную точку зрѣнія: тогда въ каждой рѣчи берешь новые аргументы, выдвигаешь эти аргументы путемъ сопоставленія ихъ со всѣмъ предыдущимъ,—и въ результатѣ получаешь нѣкоторое нарастающее настроеніе, приводящее

къ тому или другому выводу. Но, когда нѣтъ ни тезиса, ни антитезиса, не можетъ быть и синтеза. Пожурчалъ одинъ ораторъ, потомъ покрасовался другой ораторъ, потомъ поостроумничалъ третій... Нельзя вложить систему въ то, что есть отрицаніе системы“.

Въ засѣданіи выступали октябристы: гр. Уваровъ, Капустинъ, Петрово-Соловово, Шубинскій, Плевако. Долженъ бы былъ выступить еще октябристъ, депутатъ отъ Петербурга; онъ былъ въ числѣ заявившихъ председателю о желаніи говорить, но въ то время, когда дошла до него очередь говорить... его не оказалось въ думѣ.

Почти всѣ ораторы руководящей партіи, выступая со своими рѣчами, почему-то „считали своимъ долгомъ заявить, что они говорятъ не отъ имени партіи, а отъ себя лично“. Такимъ образомъ, въ сущности, желающіе узнать мнѣніе руководящей партіи о деклараціи такъ и остались не при чемъ. Руководящая партія не пожелала раскрыть свою тайну, что дало поводъ злымъ языкамъ говорить, что дѣло здѣсь было не въ нежеланіи, а въ неумѣннн.

„Говоря отъ себя“, октябристскіе ораторы протнворѣчали другъ другу. Въ аграрномъ вопросѣ гр. Уваровъ одобрялъ возвыщенную правительствомъ аграрную программу, а проф. Капустинъ призывалъ къ осторожности. Гр. Уваровъ заявлялъ, что октябристы—не правительственная партія, а г. Шубинскій торжественно увѣрялъ, что никогда октябристы оппозиціей правительству не будутъ. Петрово-Соловово стоялъ за конституціонный принципъ, а тотъ же г. Шубинскій не желалъ вообще размежеванія властей и надѣялся на патріархальныя отношенія. Одного октябриста огорчала необходимость силы, упоминаемой въ деклараціи, и онъ имѣлъ смѣлость доложить объ этомъ по начальству, а другой восторженно говорилъ объ энергіи, проявляемой властью въ борьбѣ съ злодѣями—и все это говорилось скучно, безъ той опредѣленности и убѣдительности, которыя даются сознаніемъ моральной силы и вѣры въ побѣду.

Чтобы не быть голосовными и на дѣлѣ доказать, до чего нудны, скучны, расплывчаты и неопредѣленны были рѣчи октябристовъ, приведемъ здѣсь цѣликомъ сужденія о деклараціи гр. Уварова. Прочтя ее, читатели увидятъ, что это—чистѣйшей пробы „съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой слѣдуетъ признаться“. Вотъ рѣчь гр. Уварова:

„Теперь я перехожу *) къ объективному изложенію того, какъ мы, октябристы, смотримъ на правительственное сообщеніе. Прежде всего въ немъ мы увидали цѣлмй рядъ подчеркиваній и пропусковъ,

*) Вначалѣ въ короткихъ словахъ графъ перечислилъ предшествовавшихъ ораторовъ оппозиціи, заявивъ, что они заблуждаются.

которые подѣйствовали на насъ не хорошо, которые рѣзали нашъ слухъ. Въ деклараціи ни раза не упомянуть манифестъ 17-го октября. Несмотря на это упущеніе, манифестъ останется для насъ, октябристовъ, тѣмъ же основнымъ камнемъ, той же хартіей, отъ которой мы никогда не отступимся. Это обстоятельство больше всего кололо мое сердце, когда я слушалъ декларацію. Затѣмъ мнѣ чрезвычайно не нравится, что правительство грозитъ въ этой деклараціи чиновникамъ. Конечно, правительство имѣетъ право требовать, чтобы чиновники занимались своимъ дѣломъ, а не политиканствомъ... Но я спрашиваю, къ чему было это говорить въ нашей высокой палатѣ? Вѣдь мы—не чиновники. Не проще ли было правительству, не говоря черезъ наши головы, сдѣлать соответствующее распоряженіе прямо чиновникамъ? Было еще сказано, что правительству не желательно отмѣнить несмѣняемость судей. И въ этомъ отношеніи я не понимаю деклараціи. Ибо вѣдь въ данный моментъ никто не предлагаетъ отмѣнить несмѣняемость судей. И, слѣдовательно, непонятно, для чего предсѣдатель совѣта министровъ счелъ нужнымъ ввести эти соображенія въ свое сообщеніе. Приведенныя непріятныя впечатлѣнія скрашиваются тѣмъ, что правительство впервые упомянуло совершенно опредѣленно: „представительный строй“. Въ нашей формулѣ не указано ни довѣрія, ни недовѣрія къ правительству. Мы сдѣлали это потому, что союзъ 17-го октября никогда не былъ партией оппозиціи во что бы то ни стало. Съ другой стороны союзъ не является и такой правительственной партией, которая будетъ одобрять все, что бы ни исходило отъ правительства. Слѣдовательно, нашей формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ мы хотѣли подчеркнуть, что мы сохраняемъ за собой полную свободу принимать то, что, по нашему мнѣнію, полезно для государства, и отвергать все остальное. До сихъ поръ мы можемъ констатировать лишь полную солидарность нашу съ правительственной политикой въ аграрномъ вопросѣ. Во всемъ остальномъ мы будемъ только молить Бога, чтобы мѣры правительства имѣли надлежащій характеръ и позволили намъ поддерживать ихъ“.

И такими же по расплывчатости были рѣчи и другихъ ораторовъ октябристовъ—только у гг. Шубинскаго и Плевако виѣшна краснорѣчивѣе.

О тонѣ рѣчей членовъ руководящей думской партіи офиціозъ кадетовъ справедливо замѣтилъ, что „такъ не говорятъ представители народа, посланные страной законодательствовать; такъ они не должны говорить, какихъ бы политическихъ убѣжденій они ни держались. Даже полное согласіе народнаго представителя съ властью не дѣлаетъ его подчиненнымъ этой власти, а между тѣмъ во всѣхъ рѣчахъ не исключая и рѣчи Плевако, слышалось тѣ ноты, въ

какихъ способные чиновники позволяютъ себѣ дѣлать замѣчаніе высшему начальству въ ихъ присутствіи, когда хотя въ проявленіи своей самостоятельности еще болѣе подчеркнуть свою способность и преданность“.

Графъ Уваровъ молилъ Бога, чтобы дума могла поддержать правительство, когда оно того пожелаетъ, г. Капустинъ перечислялъ заслуги октябристовъ предъ властью: „они и противъ всякихъ эксцессовъ были, они и терроръ хотѣли порицать во второй думѣ, а теперь, когда, пройдя въ большемъ числѣ въ третью думу, они готовы оправдать довѣріе начальства и „заслужить“, ихъ встрѣчаютъ нетерпѣливо; въ деклараціи такой холодный тонъ, онъ такъ огорчаетъ и деп. Капустина, и октябристовъ, жаждущихъ тепла и ласки со стороны начальства. Въ самыхъ робкихъ выраженіяхъ дѣвный октябристъ счелъ возможность просить „вспомнить“ о гражданской свободѣ и примѣненіе силы сочетать съ гуманностью и снисходительностью“.

Ф. Н. Плевако говорилъ красиво, но онъ забылъ, что говоритъ какъ народный представитель, а не какъ ходатай.

„Мягкіе тона московскаго адвоката были пущены въ ходъ для благодарной задачи: для затушеванія того, что никакъ нельзя затушевать. И всѣ граммофоны, и стрекозы, и пчелы, всѣ прочіе аксессуары краснорѣчія не могли, конечно, никого убѣдить въ томъ, что есть случаи, когда нужно прятать лозунгъ 17-го октября. Зная у октябристовъ, повидимому, вынимается только по праздникамъ; сегодня же Плевако свернулъ его и, очевидно, ради будней, уже заразъ снялъ и тогу мужа, и заговорилъ какъ ходатай... Только ходатай, а не народный представитель можетъ употреблять выраженія въ родѣ того, что министры дѣлаютъ честь представительному собранію, когда они его удостоиваютъ своимъ присутствіемъ. Ходатай можетъ для подсудимыхъ вымалывать предъ грознымъ судомъ смягченіе участи подсудимыхъ; но законодатель унижаетъ и свое достоинство, и достоинство думы, прибѣгая къ тону, который звучалъ въ рѣчи Плевако, когда онъ говорилъ о правосудіи земномъ и небесномъ. Именно для того, чтобы насталъ тотъ рай земной, который рисовалъ Плевако, нужно, по замѣчанію „Рѣчи“, чтобы народное представительство стояло на высотѣ, чтобы дума была собраніемъ законодателей, а не прислужниковъ“.

Кромѣ октябристовъ, въ засѣданіи 20-го ноября выступали и правые, и с.-д. Чхендзе, и к.-д. Аджемовъ. Всѣ они повторяли свои партійные взгляды на декларацію, которые уже извѣстны изъ рѣчей ораторовъ въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ. Графъ А. А. Бобринскій отъ имени правыхъ партій внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

Государственная дума, выслушавъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ и горячо привѣтствуя намѣреніе правительства рѣшительными мѣрами положить конецъ смутѣ и разбоямъ въ странѣ, усматриваетъ въ обѣщаніи правительства неуклонно слѣдовать по историческому пути развитія Россіи залогъ будущаго преуспѣянія нашей родины, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Этой короткой формулѣ предшествовало вступленіе. Графъ въ этомъ вступленіи доказывалъ, что не слѣдуетъ много говорить и, когда его доказательства были напечатаны въ отчетахъ телеграфнаго агентства, изъ нихъ вышло почти 300 печатныхъ строкъ!..

Руководящей партіи очень хотѣлось, чтобы въ этотъ же день и закончились пренія о деклараціи, но въ половинѣ перваго ночи оказалось, что не поговорили еще болѣе двадцати ораторовъ, и потому пока рѣшили прервать это нудное, „пикетное“ засѣданіе до четверга 22-го ноября.

Кромѣ обсужденія деклараціи, въ засѣданіи 20-го ноября произошелъ еще инцидентъ, выяснившій, что для достиженія своихъ какихъ-то никому невѣдомыхъ цѣлей октябристы и правые не гнушаются и не совѣмъ-то чистыми „ходами“. Исторія, выяснившая нечистый ходъ большинства, произошла при производствѣ выборовъ въ комиссію государственной обороны.

Дѣло, по слов. „Н. Вр.“, обстоитъ такъ. До сихъ поръ комиссіи избирались всегда по такъ называемому „общему списку“: лидеры собираются на междупартийныя совѣщанія, устанавливаютъ число мѣстъ, выпадающихъ по справедливости на долю каждой фракціи, и затѣмъ указываютъ, кого именно изъ своихъ сочленовъ каждая фракція выставляетъ на принадлежащія ей мѣста; на основаніи этихъ данныхъ составляется общій списокъ, который и подается всѣми членами думы, независимо отъ ихъ партийнаго настроенія. Такъ это было и въ первой думѣ, и во второй. Возникали нѣсколько разъ опасенія, что большинство можетъ обмануть меньшинство и, воспользовавшись своимъ численнымъ превосходствомъ, подмѣнить „общій списокъ“ какимъ нибудь другимъ. Въ силу этихъ опасеній, во второй думѣ д. Синадино настойчиво требовалъ принятія пропорціональныхъ выборовъ, т. е. такой системы, при которой меньшинство могло бы проводить своихъ представителей въ комиссію „молчаливымъ согласіемъ“ большинства, не „попущеніемъ“ большинства, а неотъемлемымъ, ни отъ какого большинства не зависящимъ „правомъ“. Несмотря на эти опасенія, права меньшинства ни въ первой, ни во второй думахъ никогда нарушены не были. Большинство всегда баллотировало за общій списокъ добросовѣстно, и поэтому вопросъ о пропорціональныхъ выборахъ никогда не воз-

буждался въ острой формѣ. Въ третьей думѣ дѣло сначалашло благополучно. Но съ комиссіей государственной обороны произошёлъ нѣкоторый конфузъ. Общій списокъ былъ установленъ своимъ порядкомъ, но при баллотировкѣ онъ, очевидно, замѣненъ былъ другимъ, такъ какъ въ комиссію ни одинъ изъ членовъ меньшинства (оппозиціи) не попалъ. П. Н. Милюковъ, въ виду этого новаго факта, предложилъ приостановить на одинъ день выборы въ новую комиссію съ тѣмъ, чтобы выработать какія нибудь гарантіи для меньшинства. Онъ говорилъ отъ имени 33-хъ подписавшихъ заявленіе, въ которомъ кадеты потребовали введенія пропорціональныхъ выборовъ. Для того, чтобы избавиться отъ упрека въ какой бы то ни было партійности, они усвоили ту точку зрѣнія, которая на-дняхъ была принята государственнымъ совѣтомъ. Наша верхняя палата, конечно, не можетъ быть заподозрена въ радикализмъ и слѣдовательно у государственной думы не будетъ поводовъ отвергнуть эту систему ни по существу, ни по формѣ. По существу—октябристы и монархисты всегда стояли за пропорціональность; а по формѣ имъ трудно будетъ опорочить ту систему, которая послѣ длиннѣйшаго разсмотрѣнія принята въ государственномъ совѣтѣ. Обсужденіе заявленія 33-хъ пока впереди, а пока въ засѣданіи 29-го ноября д. Крупенскій выступилъ противъ пропорціональности, а октябристы голосовали противъ предложенія П. Н. Милюкова и, благодаря этому, дума отказала въ отсрочкѣ выборовъ вплоть до разсмотрѣнія дѣла по существу.

„Если октябристы желаютъ высоко держать знамя безпристрастныхъ и строгихъ парламентаріевъ, имъ не слѣдуетъ унижать себя такими поступками,—говоритъ по этому поводу г. Пилленко.—Недопущеніе оппозиціи въ комиссію является въ высшей степени нежелательнымъ, и прежде всего—съ точки зрѣнія той работоспособности думы, которую такъ отстаиваютъ октябристы. Комиссіи являются именно тѣмъ институтомъ, который долженъ разгрузить работу общихъ собраній и сдѣлать происходящія въ нихъ дебаты болѣе экзпедитивными. Никакого другого значенія комиссіи не имѣютъ и имѣть не могутъ, ибо подготовка дѣла въ комиссіи обозначаетъ именно стремленіе откинуть изъ дебатовъ все случайное, недоумѣнное, незрѣлое, непродуманное. Но функція комиссій можетъ быть осуществлена только при одномъ основномъ условіи: въ нихъ должны быть представлены всѣ главныя теченія парламентской мысли, ибо для разгрузки дебатовъ предварительное созрѣваніе оппозиціонной мысли важно даже больше, чѣмъ созрѣваніе мысли большинства. Для того, чтобы засѣданіе было дѣйствительно работоспособнымъ, нужно, чтобы изъ него были устранены всѣ недоразумѣнія. А для этого большинство должно предварительно ознако-

маться съ тѣми мыслями, которыя оудутъ защищать ораторы меньшинства. Вѣдь обойтись безъ оппозиціи все равно нельзя: вѣдь никакая коммисія государственной думы никакихъ рѣшеній постановлять не можетъ; рѣшеніе можно вынести только въ общемъ собраніи. Слѣдовательно, не производя явного и кричащаго насилія надъ самой идеей народнаго представительства, зажать ротъ оппозиціи по вопросу о государственной оборонѣ будетъ невозможно. Да и въ интересахъ ли октябристовъ знать не о всѣхъ недостаткахъ нашей обороны, а только о нѣкоторыхъ? А разъ оппозиція будетъ говорить, она будетъ имѣть право пользоваться всѣми документами, которые будутъ обсуждаться въ коммисіи, и слѣдовательно отъ нея ничего не скроютъ“.

Десятое засѣданіе—22-го ноября.

Засѣданіе 22-го ноября началось не съ продолженія преній о деклараціи, а съ неумѣстнаго выступленія въ думѣ социаль-демократовъ и новзро. скандала, устроеннаго правыми. Еще до начала засѣданія настроеніе среди депутатовъ было приподнятое. Ходили, съ одной стороны, слухи, что правые собираются выступить съ какимъ-то предложеніемъ по поводу покушенія на московскаго генераль-губернатора г. Гершельмана, съ другой стороны, что социаль-демократы думаютъ заявить протестъ по поводу начавшагося въ этотъ день суда надъ фракціей социаль-демократовъ второй думы.

Оправдалось по открытіи засѣданія только второе. Социаль-демократическій депутатъ г. Косоротовъ отъ имени своей фракціи пожелалъ сдѣлать заявленіе, почему социаль-демократы не считаютъ возможнымъ присутствовать сегодня въ думѣ. Онъ вошелъ на кафедру съ какой-то бумагой. Предсѣдатель Н. А. Хомяковъ допустилъ его „мотивировать заявленіе о томъ, почему „с.-д.“ не желаютъ участвовать въ засѣданіи“. Онъ началъ говорить и, неоднократно прерываемый шумомъ и возгласами съ правой, успѣлъ сказать:

„Отъ имени социаль-демократической фракціи я дѣлаю слѣдующее заявленіе. Сегодня открывается судъ надъ членами государственной думы второго созыва, надъ всѣми членами ея социаль-демократической фракціи. Сегодня совершится неслыханный судъ надъ народными представителями за выполненіе возложенныхъ на нихъ мандатовъ. Возведеніе на нихъ обвиненія въ заговорѣ послужило поводомъ для переворота. Всѣ наши товарищи“...

Далѣе говорить г. Косоротову не дали. Опять барабанныя кулаки по шопитрамъ, кричали глотки, топали каблучки. Предсѣдательскія права вновь перешли отъ настоящаго предсѣдателя къ правымъ скандалистамъ.

Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ нельзя было допустить, чтобы

заявление было произнесено, но прервать речь во всякомъ случаѣ долженъ былъ председатель. Онъ же долженъ былъ не допускать председательствовать вмѣсто себя правую, не допускать въ государственной думѣ картины чайной союза русскаго народа.

Не имѣя возможности изъ за шума и криковъ продолжать речь, г. Косоротовъ хотѣлъ подать имѣвшуюся у него въ рукахъ бумагу председателю, но Н. А. Хомяковъ возвратилъ ему документъ обратно и онъ сошелъ съ трибуны, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими членами социаль-демократической фракціи вышелъ изъ зала засѣданія.

Безобразное вступленіе въ засѣданіе на этомъ покончилось. Приступили къ продолженію преній по поводу деклараціи. Время рѣчей было ограничено 10-ю минутами еще въ предшествовавшемъ засѣданіи, но все же перспектива прослушать еще болѣе 20-ти говорильщиковъ послѣ того, какъ вопросъ уже всѣмъ былъ совершенно ясенъ, заставляла многихъ заранѣе „застыть въ равнодушіи“.

Изъ рѣчей въ этомъ засѣданіи достойны быть отмѣченными только рѣчи двухъ священниковъ — о. о. Рознатовскаго и Полова 2-го, и то только по ихъ противоположности.

О. Рознатовскій, грозный защитникъ самодержавія, говорилъ о благодати, о свободѣ духа, которая выше и правъ, и свободы гражданской — и всѣмъ была ясна цѣль этой проповѣди: это была старая пѣсня о небѣ, предназначенная для отвлеченія отъ борьбы за лучшее будущее на землѣ, старая пѣсня, давно уже ставшая трафаретомъ, несмотря на паюсъ и могучій голосъ духовнаго витія.

От. Рознатовскій сказалъ:

„Какъ подъ этими священными сводами трактуется величайшая проблема нашего духа, проблема о свободѣ? Одни видятъ въ свободѣ правовыя нормы, другіе утверждаютъ, что причина свободы — матеріальное благосостояніе и обезпеченіе народа. Я постоянно предлагаю вопросъ о свободѣ перевести въ глубину духа. Свободу познаетъ лишь тотъ, кто духомъ побѣждаетъ плоть, любовью — грѣхъ. Вотъ — истинное понятіе о свободѣ! Вопросъ о благодати игнорируется, а между тѣмъ это есть духовная сила, сила, безъ которой мы не можемъ направлять прогрессъ. Безъ молитвы и благодати Божьей мы не можемъ дѣлать ни одного шага въ направлевіи прогресса и свободы. Я призываю васъ обдумать въ совѣсти своей, что это значитъ!“ — говорилъ от. Рознатовскій властно, какъ говорить проповѣди.

Совсѣмъ другимъ было выступленіе другого священника. Ему гоже не давали говорить правые и нужно было удивляться, что среди священниковъ, депутатовъ третьей думы, свобода которыхъ даже въ частной жизни доведена до житья подѣ надзоромъ епископа Блюгя, въ Митрофаніевскомъ подворьѣ, нашелся такой, который рѣ-

шился сказать рѣчь. Отецъ Поповъ 2-й—еще молодой человекъ, худенькій, съ рѣдкой растительностью на лицѣ. Одѣтъ онъ въ темно-зеленую, бѣдную рясу, говоритъ просто, съ сильнымъ удареніемъ на о, и сначала сообщаетъ, что робѣлъ, пока не вышелъ на кафедру.

„Я—не террористъ, я не сочувствую террористическимъ актамъ,—сказалъ онъ,—я болѣю, когда слышу о террористическихъ актахъ, я жалѣю всѣхъ, жалѣю и террористовъ. Я думаю: вѣдь не одни же они виноваты въ томъ, что происходитъ“.

Здѣсь о. Попова прервалъ гр. Бобринскій, который съ мѣста, желая посмѣяться на батюшкино о, съ сильнымъ удареніемъ на а прокричалъ:

— Конечно, а подстрекатели!

О. Поповъ продолжалъ:

„Я думаю, что условія современной общественной государственной жизни также въ этомъ виноваты. Я не вполне соглашаюсь съ правительствомъ относительно его средствъ борьбы. Сила его въ военномъ положеніи и въ карательныхъ экспедиціяхъ. Что же случилось, что нашъ добрый народъ, нашъ добрый, перевозимый всѣми народъ, который называли не иначе, какъ святою Русью, сдѣлался вдругъ какъ бы звѣремъ, противъ котораго можно противопоставить только силу? Я разумю силу безправія. Народъ ищетъ свободы. Вогнать ее во внутрь нельзя. Обстоятельства перемѣнились. Права и свобода дарованы народу Высочайшей волей и манифестомъ. Народъ не успокоится охранами, но успокоится, когда свобода и права будутъ осуществлены по манифесту 17-го октября. Но какъ же террористическіе акты, если мы сложимъ оружіе? Я напомнимъ, что въ печати не разъ было, и террористы говорили, что они прекратятъ терроръ, какъ только народу будутъ даны элементарныя политическія права. Слова эти подтвердилъ во второй думѣ и Алексинскій. (Правые шумятъ, а гр. В. Бобринскій съ мѣста кричитъ: „авторитетъ!“). Да, въ этомъ Алексинскій—авторитетъ. Здѣсь ссылались на апостоловъ, говоря о силѣ. Никакой апостолъ никогда не думалъ покрывать злоупотребленія. Приступите скорѣе къ реформамъ, и народъ успокоится. Онъ благословитъ и васъ, и власть и вѣчно будетъ молиться за Государя“.

Оппозиція дружно и долго аплодировала священнику Попову и, вопреки смѣху правыхъ, совсемъ не считалась съ его своеобразными удареніями. Онъ, напримѣръ, говорилъ, возражая на рѣчь Плевако: „Плевако“.

Но вотъ списокъ ораторовъ оказался исчерпаннымъ раньше, чѣмъ предполагалось, потому что нѣкоторые изъ желавшихъ говорить нашли въ себѣ силы отказаться отъ этого удовольствія.

Приступили къ баллотировкѣ внесенныхъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Ихъ было внесено всего шесть. Первой баллотировался простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, внесенный польскимъ коло. Онъ оказался отвергнутымъ. Вотъ и октябристская формула. Она извѣстна нашимъ читателямъ. Но, о, ужасъ! Октябристы, руководящая партія, провалились. Формула депутата Гучкова, предложенная еще въ день прочтенія П. А. Столыпинымъ деклараціи, баллотировалась трижды. Въ первый разъ противъ нея встало 178 человекъ оппозиціи и крайнихъ правыхъ, обратная баллотировка дала разницу въ 1 голосъ. Несогласныхъ было 177 человекъ. Тогда крайніе правые вызвали свои резервы изъ президіума. Въ третьей баллотировкѣ, произведенной выходомъ въ двери, приняли участіе секретарь, депутатъ Созоновичъ, и старшій помощникъ, депутатъ Замысловскій. Еще одного крайняго праваго достали специально для баллотировки изъ буфета, какъ это дѣлается обычно въ губернскихъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ. И результаты получились такіе: за формулу октябристовъ 179 голосовъ и противъ нея 182. Почему предсѣдатель думы и его товарищъ, кн. Волконскій, воздержались отъ голосованія — неизвѣстно. Во второй думѣ голосовалъ въ подобной баллотировкѣ весь президіумъ. Понятно было и неголосованіе всего президіума, но почему онъ раздѣлился?

Участъ октябристской формулы постигла и формулу правыхъ. Предстояла формула мирнообновленцевъ:

„Выслушавъ сообщеніе предсѣдателя совѣта министровъ и считая, что только полное проведеніе началъ манифеста 17-го октября приведетъ къ успокоенію страны, дума переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

Ее, казалось бы, не только могли, но и должны были поддержать октябристы, разъ выяснилось, что ихъ формула не принята; вѣдь эта формула не заключала въ себѣ ничего рѣзкаго и носила еще въ себѣ то знамя, которое держитъ союзъ 17-го октября, но мелочное партійное самолюбіе оказалось очень не чуждымъ партіи, называвшей себя до 22-го ноября руководящей въ третьей думѣ, и она выскла самое себя. Формула мирнообновленцевъ для октябристовъ послѣ провала ихъ собственной являлась выходомъ изъ положенія. Они не сумѣли имъ воспользоваться.

Затѣмъ были отвергнуты и остальные формулы изъ шести предложенныхъ, и такимъ образомъ дума, руководимая октябристами, сѣла на мель. Четыре дня было потрачено совершенно безрезультатно.

„Переходимъ къ очереднымъ дѣламъ“, — заявилъ предсѣдатель послѣ перерыва въ $\frac{1}{4}$ часа.

Дума послѣ повѣрки полномочій и выборовъ комиссій перешла къ интересному на первый взглядъ вопросу—объ устройствѣ 8 отдѣловъ вмѣсто всякихъ комиссій, т. е., къ предложенію вернуться къ положенію о думѣ 6-го августа. Это предложеніе было внесено правыми на одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій.

Докладчикъ Ткачевъ такъ долго и неудачно докладывалъ объ этомъ въ засѣданіи 22-го ноября, что даже правые закричали ему: „Довольно!“ А зашавшіеся по этому вопросу ораторы отказались отъ слова.

Почти единогласно предложеніе было отклонено.

По предложенію г. Родзянко, дума затѣмъ сдѣлала еще постановленіе объ образованіи вѣроисповѣдной и церковной комиссій и засѣданіе было закрыто.

Одиннадцатое засѣданіе—27-го ноября.

Въ одиннадцатомъ засѣданіи государственной думы, 27-го ноября, выступилъ министръ финансовъ, представившій на обсужденіе думы роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1908 годъ.

Еще до засѣданія всѣ думскія фракціи согласились не растягивать говоренія при обсужденіи бюджета. Рѣшено было, что каждая фракція выставитъ только по два оратора, не больше. И на самомъ дѣлѣ, послѣ рѣчи министра оказалось, что желающихъ говорить записалось у предсѣдателя только 15 человекъ.

Совсѣмъ другую картину въ третьей думѣ представляло „бюджетное“ засѣданіе сравнительно съ наблюдавшимся въ первой и во второй думахъ. Министръ финансовъ уже не волновался, какъ прежде. Онъ говоритъ спокойно и увѣренно, иронически относясь къ лѣвой сторонѣ думы. Въ первой и второй думахъ лѣвыхъ ораторовъ слушали „съ затаеннымъ дыханіемъ“, какъ выражаются романисты, теперь на оратора социаль-демократовъ, напримѣръ, г. Гегечкори не обращали вниманія даже правые крикуны. Они не прерывали своими выходками бѣднаго лѣваго оратора, да не было надобности даже для нихъ дѣлать obstructію, потому что ни на кого изъ присутствовавшихъ рѣчь социаль-демократа никакого впечатлѣнія не произвела.

Въ началѣ засѣданія, открывшагося въ присутствіи всего состава кабинета министровъ, предсѣдатель думы Н. А. Хомяковъ объявилъ о полученныхъ нѣсколькихъ привѣтствіяхъ думѣ отъ разныхъ земствъ, затѣмъ онъ объявилъ составъ вновь избранныхъ комиссій и наконецъ, черезъ три четверти часа по открытіи засѣданія, съ предсѣдательской трибуны раздалось:

„Министръ финансовъ проситъ слова для разъясненія внесеннаго проекта государственной росписи доходовъ и расходовъ“.

Г. Коконцевъ, сильно постарѣвшій и съ очень утомленнымъ видомъ, вошелъ на кафедру. Онъ предупредилъ, что едва ли ему удастся быть краткимъ въ предварительныхъ объясненіяхъ по бюджету, такъ какъ ихъ необходимо дать полно и обстоятельно для тѣхъ членовъ государственной думы, которые впервые приступаютъ къ этому исключительно важному и ответственному дѣлу. И онъ сдержалъ свое слово. Его рѣчь длилась болѣе двухъ часовъ.

Начавъ съ объясненія, что онъ не будетъ говорить о необходимыхъ измѣненіяхъ въ нашихъ финансахъ, такъ какъ „область непреложныхъ научныхъ истинъ въ сферѣ финансовъ весьма ограничена“, министръ счелъ, очевидно, задачей прочесть депутатамъ лекцію объ этихъ непреложныхъ научныхъ истинахъ, т. е. объ основахъ финансовой науки. Это была подробнѣйшая лекція: высказывались истины о томъ, что финансовая система каждаго государства есть плодъ вѣковой работы цѣлыхъ поколѣній, что она развивается вмѣстѣ съ исторіей и самой жизнью государства и что поэтому нельзя круто перевернуть ее сразу; для этого не существуетъ ни рычага, ни точки опоры для него. Выводъ изъ этого былъ сдѣланъ тотъ, что депутаты должны проявить сугубую осторожность какъ въ сокращеніи существующихъ расходовъ, такъ какъ расходы въ бюджетѣ связаны, какъ звенья цѣпи, и, оборвавъ одно звено, можно рассыпать всю цѣпь, — такъ и въ расширеніи производительныхъ расходовъ, которое часто диктуетъ ошибочное желаніе блага народу, а между тѣмъ требуетъ изысканія новыхъ средствъ, взимаемыхъ съ него же. Вообще особенно много нужно проявлять осторожности во всѣхъ новыхъ мѣропріятіяхъ и реформахъ, такъ какъ каждая новая мѣра требуетъ денегъ для ея проведенія. При этомъ министръ-лекторъ вспомнилъ даже Наполеона.

Затѣмъ министръ прочелъ депутатамъ подробно, хотя и неточно, теорію о томъ, что чрезвычайные расходы должны покрываться и чрезвычайными ресурсами.

Много еще подобныхъ истинъ было высказано министромъ въ его лекціи, приводилась даже сравнительная картина бюджетовъ западныхъ державъ — все это, какъ замѣтила „Русь“, для того, чтобы доказать депутатамъ, что необходимо быстро утвердить бюджетъ безъ сколько нибудь серьезныхъ измѣненій, которыя невозможны, и что такое утвержденіе бюджета подниметъ значеніе и достоинство народнаго представительства.

Г. Коконцевъ настойчиво указывалъ на то, что смѣта доходовъ и расходовъ составлена строго на основаніи существующихъ законоположеній, обязательныхъ какъ для правительства, такъ и для всѣхъ гражданъ Россіи, и задача госуд. думы сводится къ провѣркѣ того, правильно ли и соотвѣтственно ли закону распределены статьи бюд-

жета. Если же дума желает каких либо изменений въ государственномъ хозяйствѣ, то это возможно для будущихъ бюджетовъ путемъ установленія новыхъ законовъ.

Министръ финансовъ, говоря о смѣтѣ на 1908 г., указалъ, что исчисленіе доходовъ сдѣлано примѣнительно къ смѣтѣ 1906 г., исправленной по изменениямъ, внесеннымъ въ нее законодательнымъ порядкомъ послѣ ея утвержденія; что касается расходной смѣты на 1908 г., то она составлена примѣнительно къ смѣтѣ 1907 г., причѣмъ въ нее внесены многія сокращенія, проектированныя госуд. думой и совѣтомъ, а также исключены изъ расходовъ всѣ тѣ, надобность въ которыхъ мнновала.

Изъ росписи выяснилось, что общій итогъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ на 1908 г. равенъ 2.552.144.866 р. и превышаетъ расходы 1907 г. на 24,2 милліона рублей. При этомъ обыкновенные расходы возросли фактически на 111 милліоновъ рублей. Причины этого возрастанія выяснятся, какъ думаетъ министръ, при детальномъ обсужденіи бюджета въ комиссіи.

Что касается доходовъ, то общій характеръ ихъ слѣдующій:

Эксплоатація жел. д. дасть	550 милл. р.	—23%
Винная монополія . . .	696	” —30%
Косвенные налоги . . .	490	” —21%
Прямые налоги . . .	173	” —7½%
Прочіе доходы . . .	972	” —42%

Далѣе министръ подробно остановился на классификаціи доходовъ по ихъ типамъ и, вводя цифры дохода отъ винной монополіи въ разрядъ косвенныхъ налоговъ, указалъ, что косвенные налоги въ Россіи даютъ 42% доходной смѣты. Это было сдѣлано г. Коковцевымъ для того, чтобы сдѣлать сравненіе косвенныхъ налоговъ Россіи съ такими же налогами другихъ государствъ и, пользуясь этимъ, доказать, что Россія, которая до сихъ поръ была страной не свободной и не имѣющей народнаго представительства, поставлена отнюдь не хуже другихъ странъ, давно пользующихся представительнымъ строемъ. Напр., во Франціи, Испаніи и даже Англійи косвенные налоги составляютъ болѣе 50% бюджета. Что же касается, прямыхъ налоговъ, то они въ Россіи составляютъ до 5% бюджета, а Пруссія этимъ путемъ получаетъ 8%, Австрія же путемъ подоходнаго—лишь 5%. Слѣдовательно, Россія и безъ народнаго представительства не далека отъ тѣхъ усовершенствованій въ системѣ налоговъ, которыя внесены въ бюджеты другихъ странъ народнымъ представительствомъ.

Послѣ этихъ статистическихъ сравненій г. Коковцевъ перешелъ къ заключительному итогу бюджета, выражающемуся въ томъ, что

для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ нехватаетъ 195 милліоновъ рублей. Путь нахожденія этихъ средствъ есть заключеніе займа и на этотъ заемъ министр испрашиваетъ разрѣшенія государственной думы. Безъ этого не обойтись, такъ какъ сократить расходы врядъ ли представится возможнымъ. Наоборотъ, тяжелыя условія сельскохозяйственнаго года, необходимость продовольственной помощи населенію, хотя уже и исчисленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, даютъ основанія предполагать возможность нужды въ непредусмотрѣнныхъ кредитахъ.

Въ заключеніе министр указалъ, что наше финансовое положеніе стнудь нельзя признавать разстроеннымъ; оно только трудное, такъ какъ главныя основы хозяйства—налоговая система и денежное обращеніе—не потеряли своей устойчивости. Запасъ золота, несмотря на трудное внутреннее положеніе, увеличился и Россія даже получила запросъ, не можетъ ли она удѣлить для иностраннаго денежнаго рынка часть своего золота. Государственные фонды тоже поднимаются. Въ силу этого третья дума приступаетъ къ работѣ по бюджету при благоприятныхъ условіяхъ, и министр выразилъ надежду, что она быстро рассмотритъ государственную смѣту и, ставши на путь плодотворной законодательной дѣятельности, принесетъ тѣ обильныя средства, которыя нужны для обновленія страны.

Рѣчь г. Коковцева была покрыта аплодисментами, но, какъ отмѣчаетъ корреспондентъ „Руси“, бывшій въ кулуарахъ во время послѣдовавшаго перерыва, не особенно-то понравилась даже правымъ.

Лидеръ крайнихъ правыхъ, гр. А. А. Бобринскій, въ бесѣдѣ такъ отозвался о рѣчи В. Н. Коковцева:

— Она насъ не удовлетворила. Тема вѣдь очень сухая и скучная. Да и вообще дѣло не въ его рѣчи, а въ чемъ-то болѣе важномъ,—въ общей финансовой политикѣ.

— Вы довольны ею и будете поддерживать неприкосновенность росписи?—спросилъ корреспондентъ.

— За краткостью времени роспись должна быть оставлена безъ измѣненія, — отвѣтилъ гр. А. А. Бобринскій.—Что же касается нашего довольства, то вы не ошиблись: мы солидарны съ правительствомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ обязательная неприкосновенность бюджета вообще. Вы увидите, какъ мы сократимъ и исправимъ бюджетъ 1909 года, когда у насъ будетъ время подготовляться къ нему. Утверждая нынѣшнюю роспись безъ большихъ измѣненій, мы снабдимъ ее мотивированнымъ заключеніемъ о причинахъ такого къ ней отношенія...

Октябристы гораздо сдержаннѣе относились къ рѣчи министра финансовъ.

— Дума,—сказала лѣвый октябристъ,—въ правѣ была ожидать нѣсколько больше отъ представителя финансоваго вѣдомства, чѣмъ онъ далъ ей.

— Чего же именно?

— Болѣе глубокаго анализа причинъ постоянныхъ недовогаиій ресурсовъ казны. Въмѣсто этого онъ преподнесъ популярныя свѣдѣнiя о ростѣ бюджетовъ всѣхъ другихъ странъ, желая тѣмъ самымъ, очевидно, объяснить и крайнее развитiе русскихъ расходовъ. Но вѣдь что въ пору здоровому организму, то вредно больному. И, слѣдовательно, намъ не увеличивать, какъ призналъ самъ министръ, надо свои расходы на 111 милл. руб. (обыкновенные), а стремиться къ сокращенiю ихъ хотя бы даже на такую же сумму по сравненiю съ бюджетомъ прошлаго года...

— Его рѣчь походила на лекцiю,—сказала другой октябристъ г. С.—Но въ ней мы не нуждались. И слишкомъ оптимистична она. Мы много, очень много задолжали за послѣднiе четыре года. Слѣдовало бы хотя мимоходомъ сказать кое-что о родѣ и источникахъ погашенiя займовъ. И общать впередъ не занимать...

Членъ бюджетной комиссiи, г. Х., октябристъ, заявилъ:

— Меня рѣчь вовсе не удовлетворила. Она растянута. Много общихъ мѣстъ, ненужныхъ умозаключенiй, ссылокъ на исторiю бюджетовъ другихъ странъ. А существеннаго въ ней нѣтъ. Министръ говорилъ, очевидно, не для насъ, а черезъ наши головы заграничѣ. Однако же русскiй парламентъ въ правѣ ожидать отъ главы финансоваго вѣдомства безопадной критики современнаго положенiя и уже во всякомъ случаѣ правдивой картины о немъ. Ея-то мы и не получили. Придется самимъ докапываться...

Послѣ прерыва первымъ долгомъ, когда выяснилось, что уже записалось 15 ораторовъ, дума приняла предложенiе прекратить дальнѣйшую запись.

Первымъ отъ имени союза 17-го октября говорить депутатъ г. Еропкинъ. Онъ сравнилъ бюджетъ съ коммерческимъ счетомъ, представленнымъ думѣ правительствомъ. Дума должна тщательно провѣрить его. Это—работа кропотливая, для нея требуются опытъ и терпѣнiе, и правительство должно пойти навстрѣчу думѣ и облегчить эту работу. Необходимо прежде всего измѣнить правила 8-го марта 1906 г. въ смыслѣ расширенiя бюджетныхъ правъ думы. Что касается бюджета, то прежде всего необходимо облегчить налоговое бремя малоимущихъ. Но и правительство озабочено этимъ. Нѣкоторые внесенные имъ законопроекты направлены къ этому. Бюджетъ сведенъ съ дефицитомъ въ 189 миллионѣвъ. И министерство въ своей объяснительной запискѣ испрашиваетъ разрѣшенiе на заключенiе займа. Но есть еще путь для уменьшенiя дефицита—сокраще-

ніе бюджета. По мнѣнію октябристовъ, для усеѣха дѣла, въ которомъ заинтересованы и правительство, и дума, необходимо, чтобъ не упорствовали и или навстрѣчу желаніямъ думы въ области возможныхъ сокращеній. Союзъ 17-го октября полагаетъ, что существуетъ одна область, гдѣ скупость въ расходахъ нетерпима. Это— государственная оборона. Въ этой области, съ которой связанъ престижъ Россіи, расходы, какъ бы велики они ни были, должны быть удовлетворены.

Закончилъ ораторъ-октябристъ предложеніемъ простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ въ виду того, что бюджетъ уже переданъ въ комиссію.

Послѣ г. Еропкина выступилъ г. Челышевъ. Онъ, конечно, не упустилъ случая говорить о вредѣ пьянства. Это была горячая и очень обоснованная рѣчь. Ораторъ доказывалъ, что доходы, получаемые отъ винной монополіи, ничтожны въ сравненіи съ расходами, вызываемыми мѣрами для сокращенія тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя вызываются широкимъ употребленіемъ водки— этого „пошла“, въ которомъ растворяется все человѣческое.

Послѣ рѣчи г. Челышева дневное засѣданіе закончилось и обсужденіе росписи продолжалось въ вечернемъ засѣданіи. При открытіи этого засѣданія залъ оказался наполовину пустъ. Въ этой думѣ, гдѣ депутаты легко переутомляются, особенной аккуратности вельзя очевидно требовать.

Сразу раздались крики о „составѣ“. Выдѣлялся голосъ Маркова 2-го: „Пусть сосчитаютъ!“. Г. Хомяковъ замѣтилъ, что это распоряженіе „зависитъ отъ предсѣдателя“...

Законный составъ оказался. Но ораторовъ не было въ залѣ... Отсутствовали гг. Годневъ, Милюковъ; Пуришкевичъ, услышавъ свое имя изъ устъ предсѣдателя, стремительно побѣжалъ къ выходу, крича: „меня нѣтъ!“.

Наконецъ съ трудомъ отыскался человѣкъ, желающій говорить при наполовину пустыхъ скамьяхъ. Онъ пошелъ на кафедру. Это— Гегечкори, социаль-демократъ.

Его рѣчь была полна обычныхъ для крайнихъ лѣвыхъ словъ относительно обремененія трудящихся массъ и нападокъ на дѣятельность правительства. Въ заключеніе онъ заявилъ, что необходимо отвергнуть бюджетъ и что если онъ будетъ переданъ въ комиссію, то соц.-демократы все равно докажутъ свою правоту. Дума, какъ мы уже выше сказали, плохо слушала оратора.

Говорившій послѣ него г. Шульгинъ высказалъ убѣжденіе, что для финансовъ Россіи найдется оздоровляющее средство, и напомнилъ о той борьбѣ, которая велась противъ нашихъ финансовъ. Онъ указалъ на агитацію соц.-демократовъ, обѣднившую рабочій

классъ и вызвавшую одновременное истребованіе изъ сберегательныхъ кассъ вкладовъ 90 милл. рублей, а также на агитацію нѣкоторыхъ лицъ, вздвигшихъ за границу съ цѣлью воспрепятствовать полученію Россіей денегъ. По мнѣнію г. Шульгина, бюджетъ, можетъ быть, неладно скроенъ но крѣпко сшить.

Затѣмъ выступилъ П. Милюковъ. Ему въ этотъ день пришлось фактически быть единственнымъ ораторомъ всей оппозиціи. Хотя всѣ знали, что Милюковъ не специалистъ по финансовымъ вопросамъ и что положеніе его не изъ легкихъ, но все-таки рѣчь его вышла болѣе неудачной, чѣмъ этого слѣдовало ожидать, даже при томъ, что ораторъ не специалистъ...

Г. Милюковъ, по слов. „Руси“, началъ съ указанія на то, „что разсмотрѣніе и утвержденіе бюджета народными представителями есть одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ народнаго представительства. Удачнымъ было указаніе оратора на то, что когда-то Петру Великому предлагали завести коллегію при немъ, но для того, чтобы тайна финансовъ, какъ главнаго нерва государства, оставалась скрытой отъ иностранцевъ, надо допускать къ финансовымъ дѣламъ только дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ! Въ настоящее время, очевидно, правительство не держится этого взгляда,—сказалъ г. Милюковъ,—и изъ рукъ тайныхъ совѣтниковъ бюджетъ переходитъ въ руки народныхъ представителей, однако не совсѣмъ, такъ какъ борьбу за расширеніе правъ гос. думы въ бюджетѣ приходится вести и теперь... Народное представительство существуетъ два года, а Россія остается тѣмъ не менѣе въ теченіе 2-хъ лѣтъ безъ утвержденного бюджета. Тѣмъ временемъ правительство заняло новый миллиардъ рублей, дѣлая это или за нѣсколько недѣль до созыва народнаго представительства или мѣсяцъ послѣ роспуска думъ“.

Далѣе ораторъ подчеркнул, что 50 проц. смѣты, представленной министромъ финансовъ, являются бровированными отъ думы и что дума во многихъ дѣлахъ бюджета можетъ заниматься лишь свѣркой титуловъ съ расходами. Министръ финансовъ указалъ, что дума можетъ воспользоваться своимъ правомъ внесенія законныхъ предположеній по различнымъ вопросамъ бюджета. Но даже фракція союза 17-го октября нашла необходимымъ расширить бюджетныя права думы. Слѣдуетъ надѣяться, что когда въ декабрѣ наступитъ очередь разсмотрѣнія законопроекта, внесеннаго ка-детами о расширеніи этихъ правъ, октябристы поддержать ка-детовъ. Ораторъ подчеркивалъ, что цѣлый рядъ отчетовъ, какъ, напримѣръ, министерства финансовъ, кассы государственнаго банка, крестьянскаго банка, ссудо-сберегательной кассы и т. д., не представленъ на разсмотрѣніе думы и это затрудняетъ работу думы по бюджету. По мнѣнію г. Милюкова, государственный контроль долженъ быть выдѣ-

ленъ изъ состава кабинета министровъ и тогда онъ явится хорошимъ помощникомъ народного представительства. Ораторъ указалъ, что министерство, отказавшись отъ прежней системы слишкомъ осторожнаго подсчета доходовъ, наоборотъ, неосторожно преувеличило ихъ теперь, создавая искусственные цифры, — лишь-бы свести, концы съ концами, и неправильно перенесло 8 милльоновъ обыкновенныхъ расходовъ (содержаніе казаковъ второй очереди) въ разрядъ расходовъ чрезвычайныхъ. Далѣе г. Милюковъ обрисовалъ мрачными красками хозяйственное положеніе страны, связывая его съ политическимъ. По его мнѣнію, однимъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ бюджета слѣдуетъ считать отсутствіе указаній на всю послѣдующую дѣятельность правительства. Предлагаемая смѣта ничего не говоритъ о растущихъ потребностяхъ страны. Министръ говоритъ о займахъ, о новыхъ налогахъ и о другихъ выходахъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго дефицитомъ. Но не надо забывать, что для выхода необходимо правительству примириться со страной, признать существующее положеніе вещей и не прибѣгать къ искусственному народному представительству.

Изъ послѣднихъ фразъ рѣчи обратило на себя вниманіе слѣдующее замѣчаніе по поводу будущихъ займовъ, которые предполагаетъ сдѣлать министерство финансовъ: „Европа слишкомъ вамъ довѣрилась, и теперь, быть можетъ, слишкомъ мало вамъ повѣритъ“!

Ораторъ сошелъ съ трибуны, утомленный длинной полтора часовой рѣчью. Оппозиція провожала его продолжительными аплодисментами, правые и часть центра шикали, стремясь заглушить аплодисменты. Даже когда они стихали — демонстративное шипѣнье справа продолжалось, переходя моментами въ легкій свистъ.

Г. Коковцевъ, записавшійся еще въ среднѣй рѣчи Милюкова черезъ г. Глинку у Хомякова, пошелъ къ трибунѣ.

Г. Коковцевъ говорилъ, что членъ государственной думы Милюковъ произнесъ длинную рѣчь о различныхъ вещахъ, на которыя онъ не сможетъ отвѣчать. По крайней мѣрѣ — на все, такъ какъ г. Милюковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 1³/₄ часа, что министръ не можетъ взять у думы. Рѣчь была произнесена главою партіи народной свободы и это заставляетъ министра, какъ онъ говорилъ, еще серьезнѣе огнестись къ ней. Вся она распадается на двѣ части; одну — въ которой есть сѣтованія и указанія на стѣсненія думы въ бюджетныхъ дѣлахъ, и вторую — касающуюся бюджета и высказанныхъ министромъ соображеній.

Г. Коковцевъ говоритъ, что онъ долженъ коснуться замѣчанія г. Милюкова о дѣйствительныхъ „тайныхъ совѣтникахъ“, такъ какъ въ дальнѣйшемъ, насколько возможно это предусмотрѣть, г. Милюкову придется по бюджету имѣть дѣло съ однимъ изъ дѣйствитель-

ныхъ тайныхъ совѣтниковъ, т. е. имъ, министромъ, какъ составителемъ бюджета.

Г. Милюковъ упрекаетъ правительство въ томъ, что оно дѣлало займы наканунѣ роспусковъ и созывовъ думы. „За мѣсяць до созыва первой думы,—сказалъ г. Коковцевъ,—я дѣйствительно, по Высочайшему повелѣнію, и заявляю это открыто, заключилъ заемъ въ 840 милл. рублей!“ Министръ далѣе цифрами объяснилъ, что этотъ заемъ былъ необходимъ для покрытія нѣкоторыхъ расходовъ. Но при заключеніи его, когда правительство не ждало, откуда первая дума соберется, оно въ Парижѣ нашло русскихъ людей, обивавшихъ французскіе пороги для того, чтобы заемъ не состоялся!

Далѣе г. Коковцевъ перешелъ къ „сѣтованіямъ“ Милюкова о сѣтливомъ разсмотрѣніи бюджета, которое будто бы требуется министромъ финансовъ. Онъ заявилъ, что онъ совершенно не говорилъ о 1-мъ январѣ, но полагаетъ, что дума въ предѣлахъ допустимыхъ ускоритъ этотъ вопросъ, такъ какъ срокъ вѣдь зависитъ отъ думы.

Что касается расширенія бюджетныхъ правъ думы, о которыхъ г. Милюковъ говорилъ одинаково съ представителемъ октябристовъ, то г. Коковцевъ заявилъ, что когда 18-го декабря наступитъ моментъ обсужденія этого вопроса, то министерство выскажется. Но будутъ ли эти расширительныя права приняты или нѣтъ—это зависитъ отъ усмотрѣнія государственной думы и государственнаго совѣта и отъ Высочайшаго утвержденія. Однако г. Коковцевъ считаетъ, что бюджетныхъ правъ думы, даже теперешнихъ, на 1908 г. очень достаточно.

Далѣе г. Коковцевъ сказалъ:

„Мы все слышимъ только одно, что бюджетныхъ правъ мало, что народныя представители не облечены надлежащими полномочіями. Въ этой вѣдомости, которая можетъ быть ошибочна въ деталяхъ, но во всякомъ случаѣ по существу она ошибокъ въ себѣ крупныхъ не содержитъ, мы видимъ, что половина бюджета вовсе не бронирована и находится въ полномъ разсмотрѣніи представителей народа. Бронированы, въ дѣйствительномъ смыслѣ слова, только такіе расходы, которые и безъ всякой брони были бы свободны отъ возможности ихъ измѣненія. Это—расходы на платежи по государственнымъ займамъ, которые, конечно, и безъ всякаго ограниченія по закону не могутъ быть включены, потому что обязательства, принятія государствомъ, подлежатъ во всякомъ случаѣ выполненію, и на пространствѣ всей исторіи мы видимъ примѣры, что даже тогда, когда мѣнялся въ корнѣ строй, когда управленіе монархическое переходило въ странѣ въ республиканское, республиканскій строй не

когда не отказывался признавать долговые обязательства, заключенные при иных условиях управления. У насъ, слава Богу, такой перемены еще нѣтъ; мы продолжаемъ жить при одномъ и томъ же режимѣ. Довольно существенная по суммѣ рубрика конечно признается забропированной, потому что къ этой рубрикѣ примѣнима та самая статья 9 смѣтныхъ правилъ, на которую указывалъ членъ г. думы Милюковъ. Да, статья 9 правилъ существуетъ, но что она говоритъ? Она говоритъ, что расходы, обеспеченные тѣми или иными ранѣе изданными законами, не могутъ быть въ порядкѣ смѣты вычеркнуты, а требуютъ разсмотрѣнія въ порядкѣ законодательномъ. И въ этомъ отношеніи опять-таки, если мнѣ не измѣняли слухъ, я выслушалъ одну изъ фразъ, сказанныхъ членомъ г. думы Милюковымъ, что бюджетная инициатива г. думы мала. Бюджетная инициатива г. думы безпредѣльна. Г. дума въ порядкѣ законодательной инициативы можетъ возбудить какія угодно предположенія объ исключеніи того или иного закона, объ измѣненіи того или другого расхода и, проведя свои предположенія въ законодательномъ порядкѣ, исключить и самыя статьи изъ бюджета“.

Относительно отчетовъ кассъ крестьянскаго государственнаго банка, сберегательныхъ кассъ и т. д. г. Коковцевъ замѣчаетъ, что если бюджетная коммиссія ихъ потребуетъ отъ подлежащихъ ведомствъ, то они будутъ предоставлены ей.

Затѣмъ г. министръ перешелъ ко второй части рѣчи Милюкова объ исчисленіи доходовъ, къ которому прибѣгаетъ министерство, и логически доказалъ г. Милюкову, что всѣ дѣйствія министерства правильны. Никакой манипуляціи оно не сдѣлало, такъ какъ 8 милліоновъ на содержаніе казаковъ правильно отнесены въ разрядъ чрезвычайныхъ расходовъ. Законъ о послѣднихъ предвидитъ расходы на войну, военныя экспедиціи, народныя бѣдствія, эпидеміи и др., а развѣ внутренніе бунты—не народное бѣдствіе? а казаки призваны на службу именно изъ за этихъ бунтовъ.

О планахъ, которыми руководится министръ финансовъ и о которыхъ спрашивалъ г. Милюковъ, г. Коковцевъ заявилъ, что его намѣреніе: „не по расходамъ строить налоги, а по налогамъ строить расходы“. Къ характеристикѣ этого плана министръ сказалъ, что „мы вынесли всю войну, всю революцію безъ увеличенія налоговъ—это тоже пунктъ нашей программы“.

Затѣмъ, говоря о займѣ въ 200 милліоновъ, министръ указалъ, что этимъ вводится отягощеніе будущихъ бюджетовъ ежегодно на 10 милліоновъ, но зато законопроекты о новыхъ налогахъ дадутъ приращеніе доходовъ въ 75 милліоновъ рублей, а къ этому присоединится еще существенный приростъ доходовъ.

Въ заключеніе была олемика съ г. Милюковымъ о научности и

заявление о благодарности думѣ, если она поможет правительству. Между прочимъ, г. Коковцевъ охарактеризовалъ эту думу, въ отвѣтъ на критику Милюкова, „настоящей думой“ при громѣ аплодисментовъ правой и центра.

Вторая рѣчь министра настолько удовлетворила желавшихъ, но не успѣвшихъ говорить ораторовъ, что они въ большинствѣ отказались отъ слова и засѣданіе быстро затѣмъ закончилось.

„Нов. Вр.“ такъ описываетъ окончаніе засѣданія:

Предсѣдатель заявилъ, что внесено предложеніе объ ограниченіи преній десятью минутами, и поставилъ его на баллотировку. (Встали лѣвые; произведенъ подсчетъ.) Стояло 86 человекъ. Пренія ограничены десятью минутами. (Аплодисменты въ центрѣ и направо.)

На трибуну взомель г. Розановъ, причемъ депутаты въ такомъ большомъ количествѣ начинали выходить изъ зала, что пришлось производить подсчетъ, имѣется ли законный составъ.

Г. Розановъ внесъ слѣдующую формулу трудовиковъ:

„Выслушавъ заявленіе министра финансовъ и находя: 1-первыхъ, что главная тяжесть налоговъ лежитъ на трудящихся классахъ; во-вторыхъ, что собираемыя деньги не только не расходуются на удовлетвореніе культурныхъ запросовъ населенія, но даже употребляются на подавленіе народной свободы; въ третьихъ, что г. думѣ не предоставлена полнота бюджетныхъ правъ; въ четвертыхъ, что детальное разсмотрѣніе бюджета подтвердить всѣ означенные мотивы,—г. дума переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

Пуришкевичъ отказался отъ слова. Марковъ сказалъ нѣсколько словъ по адресу Милюкова. Булатъ отказался отъ слова. Гарусевичъ заявилъ, что польское коло будетъ поддерживать простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Сушковъ, пропустившій было свою очередь, настаивалъ на томъ, чтобы ему дали говорить. Его рѣчь, произнесенная съ ужимками и хватками самаго плохого разбора, касалась поднятаго д. Чельшевнымъ вопроса о необходимости совершенно уничтожить винокурение и продажу водки. Алексѣевъ отказался отъ слова. Затѣмъ г. Милюковъ сдѣлалъ попытку, подъ видомъ личныхъ замѣчаній, возобновить пренія по существу. Его остановилъ предсѣдатель.

Предсѣдатель поставилъ на голоса простую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. Формула принята всѣми голосами, кромѣ социаль-демократовъ и трудовиковъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. 20 мин.

Дума и партія.

Дѣятельность партій внѣ думы и въ думѣ можно сравнить съ игрою артистовъ во время репетиціи и во время спектакля при полномъ освѣщеніи сцены, съ поднятымъ занавѣсомъ. Во время репетиціи промахи для артистовъ не страшны; ихъ замѣтитъ только режиссеръ и сразу-же постарается исправить. Во время-же спектакля не то. Тутъ уже отвѣтственная игра. Каждую неловкость не только замѣтитъ, но и учтетъ не въ пользу артиста вся публика. То-же и въ дѣятельности партій. Пока идетъ подготовительная работа, ошибки хотя и не могутъ быть желательны, но все-же ихъ тогда легко исправить и для публики—для судей—онѣ могутъ пройти не замѣченными. Тогда работа партій происходитъ еще какъ-бы за кулисами. Но въ думѣ. Тутъ все на виду и ошибаться уже нельзя. Незначительные ошибки и промахи, впрочемъ, могутъ быть снисходительно прощены слѣдующими за партійной думской работой, но явное и систематическое неумѣнье работать прощено быть не можетъ, а можетъ заставить отвернуться отъ той или другой партіи, выказавшей систематическое неумѣнье работать, можетъ заставить безнадежно махнуть на нее рукой. Вышедшему на сцену артисту публика не проститъ, если онъ вмѣсто исполненія своей роли начнетъ ковырять въ носу. Простите это немножко вольное сравненіе! Но оно невольно пришло на умъ при воспоминаніи о послѣдней работѣ въ думскихъ засѣданіяхъ партіи октябристовъ, заявившей о себѣ при вступленіи въ думу, что ей принадлежитъ роль руководящей партіи. Послѣдняя работа этой партіи точь въ точь похожа на ковырнянье въ носу въ то время, когда требуется артистическое исполненіе дѣла.

Первое выступленіе октябристовъ въ думѣ, какъ извѣстно, привѣтствовалось нами и всѣми здравомыслящими даже изъ противниковъ октябристовъ. То было честное и открытое выступленіе и, благодаря его открытости и честности, при рѣшеніи вопроса первосищенной важности вокругъ выступившихъ образовалось въ думѣ могучее большинство, отграничившее себя отъ революціонныхъ элементовъ съ лѣвой и правой сторонъ. Дума призвана работать. Поконченъ былъ одинъ важный вопросъ, но сразу возникъ второй, опять важный. Думѣ былъ представленъ планъ намѣреній правительства, дума должна была высказать опредѣленное мнѣніе относительно этого плана. Въ тотъ-же день, когда былъ представленъ планъ, довольно опредѣленно высказали свой взглядъ на него и правые, и кадеты, и даже лѣвые—соціалъ-демократы. Руководящая-же партія представила лишь коротенькую, неопредѣленную, расплывчатую формулу и надѣялась неопредѣленностью и расплывчатостью удовлетворить всѣхъ—и правыхъ, и лѣвыхъ, и правительство, вообще всѣхъ. Она думала, что ея формулу примутъ всѣ безъ преній, и желала, чтобы это было такъ. Она

забыла очень простое обстоятельство: что въ серьезной думской работѣ мало одного желанія, а надо еще и умнѣе.

По желанію «руководящей» партіи, конечно, не вышло. А вышелъ на другой день родичевскій инцидентъ. Здѣсь, когда онъ произошелъ, также требовалось кое что отъ «руководящей» партіи, а она даже не соблюла спокойствія и способствовала и росту скандала, и порабощенію себя правыми.

Бывшій предсѣдатель второй думы Ф. А. Головинъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной газеты удивился, почему правые были обижены словами Родичева.

«Конечно, для людей моихъ убѣжденных,—разяснить Ф. А. Головинъ,—сравненіе съ графомъ Муравьевымъ — оскорбленіе; но вѣдь не надо же забывать, что въ извѣстной части общества сравненіе съ графомъ Муравьевымъ отнюдь не является оскорбительнымъ, и если правые оскорбились этимъ сравненіемъ, то это, по-моему, только показываетъ, что въ этомъ вопросѣ они, какъ это ни невѣроятно, стали на точку зрѣнія Родичева».

Въ прошлой думѣ, когда Пуришкевичъ отстаивалъ прилипъ муравьевской политики, правые съ восторгомъ принимали его слова, хотя онъ говорилъ то же самое, что и Родичевъ. Нынѣ же правые такъ возмущились рѣчью Родичева, что Вобринскій сломалъ казенный пюпитръ, а Крупенскій охрипъ отъ произнесенія бранныхъ словъ, цѣлкомъ заимствованныхъ изъ обихода обитателей Горячаго поля.

Чѣмъ же можно объяснить такую внезапную переменъ? Конечно, только тѣмъ, что правые искали случая отколотъ октябристовъ отъ кадетовъ и съ особеннымъ удовольствіемъ обрушились на Родичева, произнесшаго такую убѣдительную и сильную рѣчь, что даже новременскій думскій референтъ долженъ былъ признать ея талантливость.

Если бы правые вполне достигли своей цѣли, то эта была бы еще не слишкомъ большая бѣда для октябристовъ. По крайней мѣрѣ тогда была бы определенность. Но октябристы совѣмъ спутались и вмѣсто дѣла начали топтаться на одномъ мѣстѣ. Они не выработали вмѣстѣ съ правыми новой согласительной формулы, а остались при своемъ, пожелавъ только больше запутать положеніе, что блестяще и исполнили въ слѣдующемъ засѣданіи, когда выступили октябристскіе ораторы.

Объ этомъ выступленіи кн. Мещерскій, напимѣръ, высказался справедливо такъ:

«Просто отчаяніе беретъ. За эти два года, съ тѣхъ поръ, что существуетъ гос. дума, не было такого пустого и мизернаго, по празднословію, засѣданія, какъ то, которое произошло вчера въ думѣ. Безпощадно цѣлые четыре часа выступали ораторъ за ораторомъ изъ октябристовъ, и какъ будто между ними шель стиль-чезъ: кто кого превзойдетъ скукою и безсодержательностью болтовни. Умственное убожество третьей думы идетъ—увь!—crescendo. Говоря о вторичномъ (20-го ноября) засѣданіи ея, я сказалъ, что оно было небывалымъ, по своей пустотѣ, засѣдаемъ. Оказывается, что сегодняшнее засѣданіе перещеголяло вторичное своей умственной несостоятельностью и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названо историческимъ».

Это выступление съ желаніемъ настоять на своемъ во что бы то ни стало сдѣлало то, что при голосованіи всѣ формулы провалились и дума совѣтъ не высказана своего опредѣленнаго мнѣнія относительно плановъ правительственной политики въ будущемъ.

Еще послѣ выступленія ораторовъ-октябристовъ газета «Товарищъ» находила, что партія 17-го октября на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

«Послѣ засѣданія 20-го ноября,—заявила газета,—выяснилось съ полной очевидностью, что партія 17-го октября, какъ партія, какъ цѣлое, ничего и не могла сказать. И выяснилось это не только потому, что октябристскіе ораторы говорили каждый отъ своего имени, что въ ихъ рѣчахъ господствовала полная разногласица, что въ то время, какъ одни критиковали правительственную декларацію, другіе расшаркивались предъ ней, а потому, что въ рѣчахъ даже наиболее видныхъ представителей партіи оказалось полное отсутствіе какого нибудь міровоззрѣнія, какой нибудь политической позиціи, какъ и нибудь политической неспективны. Растерянные, потерявшие почву подъ ногами, наугадные перспективой быть вынужденными дѣйствовать самостоятельно, они «убѣждали», «уговаривали», «умоляли», обѣщая быть «паньками», отрециваясь не только отъ «оппозиціи», но и отъ той самостоятельности въ сужденіяхъ, безъ которой парламентъ перестаетъ быть парламентомъ, перестаетъ быть собраніемъ народныхъ представителей, а превращается въ лучшемъ случаѣ въ совѣпаніе «свѣдущихъ людей». Засѣданіе 20-го ноября показало, что руководящей партіи въ думѣ сейчасъ нѣтъ. Создается ли она и какимъ путемъ—покажетъ будущее».

Послѣ засѣданія, на которомъ октябристы провалились окончательно, «Новое Время» напечатало слѣдующее:

«Безполезно разбирать, кто виноватъ въ происшедшемъ. Но вполне опредѣленно можно установить слѣдующіе факты. Поддавшись искушенію слѣва, октябристы 13-го ноября сдѣлали грубую ошибку, допустивъ пренія по адресу, чѣмъ и былъ вызванъ расколъ среди правыхъ, большинство которыхъ обособилось. Эту ошибку октябристовъ въ извѣстной мѣрѣ сгладили министерская декларація и рѣчь г. Столыцина. Въ дебатахъ по поводу деклараціи октябристы снова повернули направо, и не было бы труда-возстановить хотя бы вѣшній *modus vivendi* между правыми и октябристами, если бы обѣ стороны правильно обѣнили положеніе. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Октябристы въ своей печати приняли враждебный и высокомерный тонъ относительно правыхъ, а правые, отдавшись всецѣло чувству раздраженія противъ октябристовъ и заглушивъ голосъ трезваго разсудка, взяли позу будирующихъ спасителей отечества».

Г. Пиленко въ той же газетѣ заявилъ:

«Когда мнѣ говорятъ, что русскіе люди не доросли до народнаго представительства, я отвергаю эту клевету съ негодованіемъ. Но, когда мнѣ говорятъ, что имъ нужно учиться, очень много учиться, я понуро опускаю голову. Да, имъ нужно учиться. Да, лидеры нашихъ парламентскихъ партій дѣлають не то, что должно. Да, Гучковъ вноситъ ничего не значащую формулу

и думаетъ, что онъ исполнилъ свое дѣло только потому, что онъ не сказалъ ни единого слова и, значитъ, не вызвалъ протеста ни правыхъ, ни лѣвыхъ октябристовъ. Да, главный порокъ нашихъ парламентскихъ партій заключается въ безволии. Да, нужно, прежде всего, выработать парламентскую волю...».

Очень оригинально объяснили поражение видные октябристскіе лидеры. По крайней мѣрѣ г-р. Уваровъ высказался такъ:

«Все дѣло въ томъ, что члены фракціи союза 17-го октября просто-напросто не приходятъ на засѣданія думы. Судите сами. Бар. Мейендорфъ долженъ былъ произнести отвѣтственную большую рѣчь и не явился... Фонъ Анрепъ былъ записанъ для выступления... и не прѣехалъ... При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, можно иногда побѣдить центръ. Затѣмъ главный лидеръ партіи А. И. Гучковъ молчалъ. Вотъ причины, почему мы побѣждены».

Въ оппозиціонныхъ кругахъ рассказываютъ весьма категорично о недовольствѣ, которое царитъ въ октябристскихъ кругахъ г. Гучковымъ. Октябристы безъ различія отъѣнокъ, правые и лѣвые, совершенно одинаково недовольны молчаніемъ г. Гучкова въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ обсужденіе деклараціи. Октябристы рассказываютъ, что Гучковъ молчалъ по какимъ-то соображеніямъ, навѣяннѣмъ извнѣ.

Сдѣланнаго не воротить, но ошибка при желаніи можетъ послужить урокомъ для будущаго. Все же признаки того, что въ думѣ есть большинство, желающее работать къ укрѣпленію представительнаго строя, есть въ третьей думѣ, несмотря на происшедшее съ голосованіемъ деклараціи.

Главный признакъ можно видѣть въ такомъ, имѣющемъ для жизни партій громадную важность фактѣ, какъ расколъ въ союзѣ русскаго народа и заявленіе Пуришкевича, что онъ не солидаренъ съ газетою союза «Русскимъ Знаменемъ».

Въ «Нов. Вр.» одно вслѣдъ за другимъ появились два слѣдующихъ письма въ редакцію:

I.

«М. г. Прошу васъ дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ:

«Въ послѣдніе дни на страницахъ газеты «Русское Знамя» появился рядъ статей, въ коихъ я вижу много невѣрныхъ и неточныхъ свѣдѣній и которыя, къ крайнему моему сожалѣнію, я не могу не признать неумѣстными и вредными, особливо въ переживаемый моментъ, когда каждая строка политической газеты, служащей органомъ партіи, должна обдумываться со всею подобающею серьезностью и осторожностью. Въ виду этого считаю своимъ долгомъ заявить, что эти статьи напечатаны безъ моего вѣдома и согласія и безъ вѣдома главнаго совѣта с. р. н. Онѣ должны быть отнесены всецѣло на отвѣтственность редактора газеты. Товарищъ предсѣдателя главнаго совѣта союза русскаго народа. В. Пуришкевичъ».

II.

«М. г. Главный совѣтъ союза русскаго народа въ экстренномъ засѣданіи своемъ 23-го ноября 1907 г. протоколъ № 76, пунктъ 4-й, постановилъ: а) «Въ виду письма товарища предсѣдателя В. М. Пуришкевича, напечатаннаго въ №1382 «Новаго Времени» (18-го ноября с. г.) заявить во всеобщее свѣдѣніе, что это письмо написано и помѣщено безъ вѣдома и согласія глав-

наго совѣта и что главный совѣтъ не солидаренъ съ его содержаниемъ». б) «Просимъ председателя опубликовать это постановление чрезъ посредство «Новаго Времени». Отъ имени главнаго совѣта председатель союза русскаго народа А. Дубровинъ».

Въ «Свѣтъ» затѣмъ появилась статья, освѣщающая дѣло:

«Въ союзъ русскаго народа—конфликтъ, имѣющій непосредственную связь съ государственной думой, а потому представляющій серьезный общественный интересъ. Среди союза русскаго народа есть небольшое количество совершенно первобытныхъ реакціонеровъ, для которыхъ само слово «дума» ненавистно. Для этихъ реакціонеровъ поведеніе монархической партіи въ думѣ (считающей законодательную, съ широкими правами и полномочіями, думу не только совмѣстимой, но и нужной для царскаго самодержавія) кажется подозрительнымъ и крамольнымъ: конституціоналисты, дескать!

«Однимъ изъ дѣятелей этой монархической партіи явился В. М. Пуришкевичъ. И вотъ, когда лѣвые и октябристы указали на противорѣчіе между взглядами монархической партіи и реакціонныхъ элементовъ союза русскаго народа, В. М. Пуришкевичъ заявилъ, что идеи, проповѣдуемыя въ «Русскомъ Знамени», не согласуются не только съ его взглядами, но и со взглядами большинства членовъ союза русскаго народа.

«Это заявленіе произвело среди реакціонныхъ элементовъ цѣлую бурю и въ «Русскомъ Знамени» появился печатный выговоръ В. М. Пуришкевичу за его письмо.

Въ патриотическомъ мірѣ это—цѣлое событіе. Патриоты давно уже выражаютъ неудовольствіе по поводу того, какъ ведется союзная газета. Направленіе газеты главнымъ образомъ «ругательное», причѣмъ въ качествѣ политическихъ руководителей выступаютъ люди малообразованные и несвѣдущіе. Давно пора положить конецъ недоразумѣніямъ между такъ называемой «черной сотней» и лучшей частью общества и народа. «Черную сотню» считаютъ какимъ-то страшилищемъ, врагомъ полезныхъ преобразованій и разумнаго, національнаго прогресса. Все это изъ за того, что въ союзѣ нѣтъ надлежащей дисциплины и вслѣдствіе этого шумятъ и мутятъ люди, не знающіе своего мѣста.

«Теперь, когда у насъ есть государственная дума и солидная монархическая партія, преданная, съ одной стороны, самодержавію, а съ другой стороны—вдохновленная желаніемъ путемъ опредѣленныхъ реформъ обновить русскую жизнь—нужно и весь объединенный патриотизмъ привести въ соотвѣтствующее состояніе. Нужно устранить все, что представляетъ собою смѣсь бюрократической реакціи съ зловредной демагогіей, нужно вдохнуть въ объединенный патриотизмъ положительное содержаніе, укрѣпить его стремленіемъ творческой работы по обновленію родины.

«Это и будетъ сдѣлано, ибо здоровыя теченія въ союзѣ русскаго народа несравненно сильнѣе—дающихъ себя знать и претендующихъ на значеніе—реакціонно-анархическихъ элементовъ».

Интересны «показанія» самихъ гг. Пуришкевича и Дубровина по дѣлу о расколѣ.

В. М. Пуришкевичъ сообщилъ сотруднику «Б. В.»:

«Дѣло началось съ возмутительной передовицы, появившейся въ «Русскомъ Знамени» 14-го ноября послѣ знаменитаго застѣданія Государственной думы.

«Въ виду преній, возникшихъ въ думѣ по поводу помѣщенія или непомѣщенія въ адресѣ слова «самодержавный», докторъ Дубровинъ рѣшилъ, что третья дума должна быть разогнана, и мало того, что высказалъ это на страницахъ «Русскаго Знамени» съ присущей ему «непринужденностью», онъ, очевидно, постарался инспирировать въ этомъ же смыслѣ и провинціальныя отдѣлы союза, разославъ соответственные циркуляры. По крайней мѣрѣ у меня находятся телеграммы отъ нѣкоторыхъ отдѣловъ союза съ просьбой на имя Государя о роспускѣ третьей думы.

«Я же, съ своей стороны, нахожу, что третья дума можетъ и должна существовать, такъ какъ ея работа необходима для страны. Мой взглядъ раздѣляется безусловно громаднымъ большинствомъ членовъ нашего союза.

«Да вотъ вамъ доказательство—телеграммы отъ различныхъ отдѣловъ съ благодарностью за стойкое поддержаніе въ думѣ нашихъ идей. Такихъ телеграммъ я получилъ штукъ пятьдесятъ. Послѣдняя получена сегодня отъ объединенныхъ московскихъ организаций. Это—лучшее доказательство того, что докторъ Дубровинъ пользуется вашимъ печатнымъ органомъ для выраженія исключительно своихъ личныхъ взглядовъ, не сообразуясь съ директивами главнаго совѣта союза. Онъ въ сущности просто-напросто экспроприировалъ «Русское Знамя» для этой цѣли и повелъ на его страницахъ во мутительную кампанію противъ думы, не соображая того, что разгонъ третьей думы былъ бы неслыханнымъ позоромъ для государства, для насъ всѣхъ.

«Докторъ Дубровинъ, выставляя общій нашъ лозунгъ: православіе, самодержавіе, народность,—занимается только критикой, отрицаніемъ всего, но работы на пользу этихъ лозунговъ онъ не указываетъ, онъ даже не думаетъ о ней. Между тѣмъ я смотрю съ той точки зрѣнія, что мы подъ этимъ знаменемъ должны именно работать на пользу страны, и осуществитъ наши стремленія мы можемъ посредствомъ дарованнаго Государемъ народнаго представительства. Какъ бы себя ни держали въ думѣ октябристы, какими бы словопреніями и разговорами они ни занимались,—мы свое дѣло должны и будемъ дѣлать. Теперь, когда думская работа налаживается, когда образованы думскія комиссіи,—говорить о роспускѣ, о разгонѣ думы прямо бессмысленно.

«Но пусть однако наши враги не думаютъ, что весь этотъ инцидентъ въ докторомъ Дубровинимъ грозитъ или можетъ грозить расколомъ въ средѣ союза русскаго народа. О, нѣтъ! Мы можемъ различно глядѣть на думу, но основныя наши принципы и единеніе членовъ союза непоколебимы. На общемъ съѣздѣ членовъ союза вопросъ будетъ разрѣшенъ и доктора Дубровина, самовольно забравшаго въ свои руки «Русское Знамя», такъ или иначе «разъяснить». Толки же о невозможности совместной работы крайнихъ правыхъ съ монархистами—пустые разговоры, такъ какъ и тѣ, и другіе одно и то же».

По тому же поводу А. И. Дубровинъ заявилъ слѣдующее:

«Я считаю партійную дисциплину выше всего. Если мы будемъ вездѣ и всюду посвящать людей, не принадлежащихъ къ намъ, въ свои дѣла, то таковыя у насъ не могутъ идти правильно. Весь инцидентъ я считаю нашимъ внутреннимъ, чисто домашнимъ дѣломъ, а потому отказываюсь сообщить вамъ его детали, а также высказать рядъ другихъ соображеній. По моему мнѣнью, подробности совершенно излишни, тѣмъ болѣе, что безтактность Пуришкевича, напечатаннаго письмо въ «Новомъ Времени», очевидна для всякаго. Какъ товарищъ председателя, Пуришкевичъ не имѣлъ никакого права печатать письмо, не свесясь съ совѣтомъ. О расколѣ между членами союза не можетъ быть и рѣчи. Члены слишкомъ хорошо знаютъ цѣну какъ себѣ, такъ и инциденту».

И г. Дубровинъ не смущаясь продолжаетъ свое дѣло. Союзъ русскаго народа устроилъ 25-го ноября, въ 2 ч. дня, въ Казанскомъ соборѣ, въ Спб. «всенародное» молебствіе. Въ воззваніяхъ подписанныхъ д-ромъ А. И. Дубровинимъ, приводятся мотивы, послужившіе основаніемъ для устройства этого молебствія; а именно то, что «предсѣдатель совѣта министровъ 16-го ноября подтвердилъ сущность основоположеній, исповѣдуемыхъ союзомъ»... И вотъ для того, чтобы «прогнать отчаяніе и сомнѣніе», въ этомъ молебствіи нужно искать «источникъ укрѣвленія вѣры, надежды и любви».

Молебствіе совершалъ митрополитъ Антоній, въ сослуженіи членовъ думы, епископовъ Е. логія и Митрофана и священниковъ. На это «всенародное» моленіе собралось не особенно много «союзниковъ», хотя главари были всѣ налицо, большинство же было любопытныхъ. Всѣмъ входящимъ въ храмъ раздавались брошюры и повѣстки литеино-рождественскаго отдѣла союза русскаго народа, приглашавшія на собраніе.

По окончаніи молебствія А. И. Дубровинъ, черезъ председателей отдѣловъ, просилъ «союзниковъ» посѣтить спектакль «нашей» Долиной-Горленко.

На паперти собралась толпа любопытныхъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись челоуѣкъ 15 «союзниковъ», въ напасахъ и со значками на груди. Эти «союзники», прокричавъ «ура», при выходѣ изъ собора Дубровина, въ сопровожденіи толпы мальчишекъ, двинулись по Невскому къ Садовой съ пѣніемъ. Свернувъ на Садовую, «союзники» такимъ образомъ дошли до своей чайной на Сѣнной, гдѣ вечеромъ происходило совѣщаніе.

Очень интересно и еще болѣе очень прискорбно, что въ средѣ ярыхъ реакціонеровъ «союза русскаго народа» которыхъ одно произнесеніе словъ «представительный строй» доводитъ до состоянія невмѣняемости, которые все истолковываютъ шиворотъ навыворотъ, какъ истолковали они слова министра, находится и недавно еще всѣмъ уважаемый кронштадтскій протоерей от. Іоаннъ Сергіевъ. Онъ продолжаетъ политиканствовать даже теперь, когда св. синодъ очень опредѣленно выражаетъ неудовольствіе на политиканствованіе батюшекъ. Онъ продолжаетъ сотрудничать въ «Русскомъ Знамени» и пишетъ статьи, совсѣмъ уже ничего съ духовной областью не имѣющія, занялся въ «Русск. Зн.» арифметическими выкладками, сколько Россія можетъ заработать на Родичевъ. Протоіерей пишетъ:

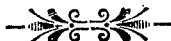
«Ноября 1-го въ вечернемъ засѣданіи г. думы, на основаніи наказа ст. 38, членъ г. думы Родичевъ исключенъ изъ состава думы на 15 засѣданій. Если г. дума собирается въ недѣлю дважды, следовательно, Родичевъ исключенъ на болѣе, чѣмъ 50 дней. Ужели за это время онъ будетъ получать суточные деньги по 10 руб.? Вѣдь 500 руб. народныхъ денегъ врагу правительства—за что?».

Такъ писать прежде уважаемый всѣми батюшка и не стѣсняется ставить свое имя въ газетѣ, которая надежду народную, созданную великіемъ Государя Императора, государственную думу—осмѣливается называть не только кабакомъ, а и еще болѣе сквернымъ, самымъ позорнымъ, какое только можно придумать, именемъ. Воистинно что написано въ газетѣ, въ которой сотрудничаетъ протоіерей Іоаннъ: «Да что же это за палата? Развѣ это—святотѣлице? Если это—не кабакъ, такъ просто все-россійскій публичный домъ, но не храмъ всенародный? И вы, господа октябристы, хотите народъ обмануть, увѣрить, что вы все по-Божьему будете дѣлать? Не обманете! не Богъ, а конституція у васъ на умѣ».

Изъ высшихъ сферъ идутъ опредѣленные слухи, что попытка реакціонеровъ использовать вотумъ 13-го ноября въ своихъ реставраціонныхъ цѣляхъ не увѣнчалась успѣхомъ. Адресъ и телеграмма правыхъ приняты въ высшихъ сферахъ холодно. Ходатайство депутатовъ (союза русскаго народа, правыхъ и умѣренныхъ) о предоставленіи имъ аудіенціи въ Царскомъ Селѣ,—какъ передаютъ «Своб. Мысли»,—не увѣнчалось успѣхомъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ получено частное извѣстіе, что въ просьбѣ депутатамъ отказано.

Думали «союзники» устроить съѣздъ «союза русскаго народа». Въ программу предстоящаго съѣзда главнымъ совѣтомъ были включены слѣдующіе вопросы: а) измѣненіе и дополненіе устава союза русскаго народа; б) имущественное положеніе союза; в) дѣятельность отдѣловъ и о встрѣчаемыхъ ими препятствіяхъ; г) членахъ союза, убитыхъ и пострадавшихъ, и объ ихъ семьяхъ; д) упорядоченіе книгоиздательства с. р. н. и о распространеніи его изданій въ народѣ; е) планъ дѣятельности союза въ ближайшемъ будущемъ въ смыслѣ послѣдовательности выполненія политической программы. Кромѣ того, предполагался обменъ мнѣніями по слѣдующимъ вопросамъ: о продовольствіи населенія, о расширеніи черты осѣдлости, о взаимоотношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, о народномъ образованіи, о переселенцахъ, о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій и о выборахъ членовъ въ гос. думу.

Но газеты сообщили сначала, что министерствомъ вн. дѣлъ вытребованы были объясненія отъ главнаго совѣта союза русскаго народа по поводу программы предложеннаго въ декабрѣ съѣзда. А затѣмъ сообщено было, что, по словамъ одного изъ правыхъ депутатовъ, съѣздъ не разрѣшенъ.

Декларация правительства и отношение къ ней государственной думы.

16-го ноября с. г. П. А. Столыпинъ сдѣлалъ въ государственной думѣ сообщеніе о дѣятельности правительства и дума посвятила обсужденію ея цѣлыхъ четыре засѣданія. Слава Богу, она наконецъ покончила съ этимъ вопросомъ.

По поводу правительственной деклараціи высказалась масса ораторовъ и одинъ договорился до того, что дума нашла нужнымъ исключить его на 15 засѣданій. Ораторы выступали по случайной очереди и потому изъ отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ врядъ ли можно себѣ создать ясную картину всего положенія. Поэтому, сгруппировавъ рѣчи народныхъ избранниковъ въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ той или иной партіи, мы попытаемся обрисовать отношеніе этихъ партій къ деклараціи и къ важнѣйшимъ мѣстамъ рѣчи П. А. Столыпина, а также ихъ принципиальные взгляды на существенные вопросы государственной жизни.

Октябристы.

16-го ноября октябристы устами своего лидера А. И. Гучкова внесли формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

20-го отъ ихъ имени выступили и гр. Уваровъ, и М. Я. Капустинъ, и г. Петрово-Соловово. Всѣ трое они высказались по жгучему для Россіи вопросу — о конституціонномъ строѣ, причемъ свое партійное признаніе они дѣлали постепенно: графъ Уваровъ привѣтствовалъ слова П. А. Столыпина о томъ, что въ Россіи представительный строй, и желалъ бы только, чтобы были прибавлены слова „на основахъ манифеста 17-го октября“, но побоялся назвать этотъ строй конституціоннымъ. Г. Капустинъ пошелъ дальше его; онъ сказалъ, что союзъ 17-го октября представительный строй отождествляетъ со строемъ конституціоннымъ. Третій октябристъ — г. Петрово-Соловово — пошелъ еще дальше. Онъ сказалъ слово о политической свободѣ, равно обязательной какъ для Монарха, такъ и для народнаго представительства; онъ сказалъ о законѣ, равно обязательномъ какъ для низовъ, такъ и для верховъ, наконецъ онъ прямо заявилъ, что желалъ бы, чтобы слова „русская конституція“ сдѣлались обыденными словами въ Россіи. Итакъ, въ трехъ рѣчахъ шаги отъ робкаго привѣтствія слову „конституція“ до полнаго утвержденія ея.

Другой вопрос—отношеніе союза 17-го октября къ правительству. Гр. Уваровъ заявилъ:

„Никогда союзъ 17-го октября не будетъ оппозиціей правительству только оттого, что извѣстныя мѣры и извѣстныя предложенія исходятъ отъ правительства. вмѣстѣ съ тѣмъ, я думаю, что союзъ 17-го октября никоимъ образомъ не можетъ явиться такой правительственной партіей, которая беретъ все, что исходитъ отъ правительства. Мы, конечно, сохранимъ полную свободу, данную намъ самимъ закономъ, критиковать законопроекты, предлагаемые правительствомъ, брать то, что хорошо для государства, и отрицать, и отвергать то, что мы будемъ находить несовершеннымъ“.

Г. Капустинъ высказалъ слѣдующее:

„Здѣсь нѣкоторые изъ представителей лѣвыхъ группъ говорили о томъ, что надо пригласить правительство выступить наконецъ на путь реформъ. Мы не отвергаемъ этого предложенія и думаемъ также, что въ значительной степени путь реформъ находится въ нашихъ рукахъ. Мы должны вступить на этотъ путь, мы пришли въ законодательную думу, не въ законосовѣщательное совѣщаніе, а въ законодательную думу, а въ этой законодательной думѣ имѣемъ право законодательнаго почина, которымъ должны воспользоваться всякій разъ, когда это нужно для народнаго блага“.

Г. Петрово-Соловово по этому же вопросу выразился еще тверже.

„Мы знаемъ, что исполнительная власть должна исполнить то, что будетъ рѣшено обѣими палатами и утверждено Государемъ Императоромъ, и, въ зависимости отъ того, съ какимъ настроеніемъ, съ какимъ чувствомъ она будетъ это исполнять, находится конечно и тотъ успѣхъ, который наша законодательная работа будетъ имѣть въ странѣ“,—и нѣсколько далѣе произнесъ: „И все же мы не можемъ отвѣтить правительству иначе, какъ словами: осуществляйте Царскую волю, проводите въ жизнь манифестъ 17-го октября, идите этимъ путемъ, потому что другого пути для благополучія страны нѣтъ. На этомъ пути вы встрѣтите нашу горячую поддержку на эту работу, мы горячо откликнемся на призывъ, сдѣланный намъ со стороны господина предсѣдателя совѣта министровъ“.

Четвертый представитель октябристовъ, Ф. Н. Плевако, со своей стороны, обращаясь къ правительству, сказалъ:

„Для плодотворнаго труда, для подъема духа нужна увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, нужна увѣренность въ цѣлесообразности успій. Въ работѣ надъ фундаментомъ намъ нужна вѣра, что на немъ воздвигается то, о чемъ грезять во снѣ, мечтаютъ проснувшись, и думаютъ въ лучшую минуту русскіе граждане, вѣра въ то, что зданіе завершится куполомъ со свѣтлой надписью: „Здѣсь собирается свободная полноправная Русь для никогда не прекращающагося зем-“

скаго дѣла, для взаимной съ вами работы созиданія, водворенія и укрѣпленія законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ ростъ добра въ родной странѣ. Скажите намъ, что не тщетны наши упованія, скажите намъ, что эта программа трудовъ, о которой сказано въ сообщеніи, — не все, чего мы ждемъ отъ васъ, а лишь приступъ ко всѣмъ дѣламъ. Скажите, что вы развернули только часть свитка, въ которомъ покоится счастье страны. Скажите, что пламенѣющая къ работѣ дума властна, если у нея остается время, развертывать далѣе этотъ свитокъ, далѣе и далѣе во всю широту и долготу его то тогда, окрыленные этой вѣрой, мы превзойдемъ себя“.

Въ рѣчахъ октябристовъ обратило на себя вниманіе слѣдующее явленіе. Двое представителей одной и той же партіи различно смотрятъ на одинъ и тотъ же вопросъ, а именно—аграрный.

Гр. Уваровъ заявилъ:

„Мы, громадное большинство нашей партіи, партіи центра, одобряемъ тотъ путь въ земельномъ вопросѣ, на который стало правительство, и въ этомъ отношеніи мы уже теперь заявляемъ, что будемъ его поддерживать“.

Говорившій послѣ него профес. Капустинъ произнесъ слѣдующія слова:

„Въ вопросѣ земельномъ мы будемъ имѣть въ виду народныя нужды и не пойдемъ по пути готовыхъ доктринъ, будутъ ли онѣ предложены правительствомъ или поэтами социализма. Готовыя доктрины—самое опасное явленіе въ столь крупномъ социальномъ вопросѣ, какъ вопросъ земледѣлія и землевладѣнія. Отъ нихъ нужно быть возможно свободнѣе. Для громадной Россіи не можетъ быть аграрной панацеи, которая вездѣ и всюду давала бы одни и тѣ же результаты. Одна цѣль—поднятіе народнаго благосостоянія—можетъ быть достигаема различными путями, но какими—это всего виднѣе на мѣстахъ“.

Но, вѣдь, какъ разъ противъ этого „на мѣстахъ“ уже два года борется правительство. Вѣдь, къ обслѣдованію положенія дѣла на мѣстахъ стремились первыя двѣ думы и эти стремленія ихъ не получили никакого осуществленія, если не считать того, что онѣ дали толчекъ образованію землеустроительныхъ комиссій.

Единственно въ вопросѣ о примѣненіи силы сошлись ораторы-октябристы. Они желали гуманнаго примѣненія этой силы и воздѣйствія самой г. думы въ этомъ направленіи. Между прочимъ, г. Шубинскій по этому вопросу заявилъ:

„Многіе государственные люди такъ рассуждаютъ, что за неприкосновенность гражданской личности и собственности необходимы суровыя и тяжелыя мѣры репрессіи, и, я думаю, ихъ мысли и чувства гораздо свойственнѣе имъ, чѣмъ народнымъ представителямъ.“

Если физическая сила необходима, чтобы охранять казначейства, кассы, частные дома, необходима, чтобы карать людей, то есть другая великая сила, свойственная народнымъ представителямъ, это именно—моральная сила, которую они могутъ влить въ народъ, и эта моральная сила будетъ тѣмъ предупреждающимъ средствомъ отъ преступленій и разврата и создать ту неприкосновенность личности и собственности, которыя составляютъ конечную и главнѣйшую задачу всякаго представительства“.

Г. Капустинъ по вопросу силы сказалъ:

„Борьба съ революціонными актами и разбоями есть не только право, но и обязанность всякаго правительства. Для насъ всѣхъ это настолько безспорно, что не нуждается въ подтвержденіи, не нуждается въ особыхъ суровыхъ заявленіяхъ, мы всѣ увѣрены, что правительство эту обязанность исполнитъ. Мы надѣемся, что, идя по этому пути, правительство будетъ достаточно вооружено закономѣрными способами дѣйствій суда и администраціи, не отсрочивая развитія гражданскихъ свободъ въ духѣ манифеста 17-го октября. Борясь съ революціонными проявленіями, правительство, конечно, вспомнить и о той гражданской свободѣ, которая должна возрастать и укрѣплять миръ, спокойствіе и культурное развитіе страны. Безъ этого одновременнаго развитія идей гражданской свободы самая борьба съ революціонными проявленіями сможетъ оставить только неопредѣленное впечатлѣніе отъ не идущаго впередъ развитія культурности въ нашей странѣ“.

Ка-деты.

Вообще вопросъ о силѣ и правѣ занялъ много времени и наибольшее вниманіе остановили на немъ ка-деты, выставившіе изъ своей среды гг. Милюкова, Родичева, Аджемова, Пергамента и Бобянского.

По вопросу о силѣ и правѣ первымъ говорилъ П. Н. Милюковъ. Вотъ его слова:

„Власть попрежнему держится политики устрашенія, а не политики довѣрія и солидарности. Разница заключается только въ томъ, что прежде намъ говорили „не запугаете“, а теперь насъ стараются запугать съ своей стороны. Я спрашиваю, является ли такая политика доказательствомъ силы правительства? Самъ предсѣдатель совѣта министровъ категорически отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ самъ сказалъ, что широкія права даются властью лишь отъ избытка силы; что власть не можетъ удовлетворить требованій о децентрализаціи, доколѣ она слаба. А если нѣтъ силы правительства, то гдѣ же то пресловутое успокоеніе, которомъ намъ говорятъ?“

Далѣ Милоковъ замѣтилъ, что въ деклараціи правительства, обращенной ко второй государственной думѣ, „предсѣдатель совѣта министровъ прежде всего настаивалъ на превращеніи Россіи въ правовое государство и, соотвѣтственно этому, тогда онъ представлялъ цѣлый рядъ законопроектвъ, устанавливавшихъ твердые устои правовой государственности, возвѣщенной манифестомъ 17-го октября. Куда дѣлось все это во вчерашней деклараціи? Въ ней даже не упомянуто о манифестѣ 17-го октября. Въ ней упомянуты въ концѣ „манифесты“ во множественномъ числѣ!“

Мысль П. Н. Милокова развили во своей, повлекшей суровую кару, рѣчи г. Родичевъ, который сказалъ слѣдующее:

„Декларація не указываетъ намъ, наступило ли, по мнѣнію правительства, то успокоеніе, послѣ котораго должны наконецъ осуществиться реформы, обѣщанныя 17-го октября. Въ началѣ деклараціи есть нѣкоторые намеки на подобное успокоеніе. Но весь остальной ея текстъ не свидѣтельствуетъ о желаніи правительства вступить наконецъ въ область права и тѣмъ засвидѣтельствовать наставшее успокоеніе. Я думаю по этому вопросу нѣсколько иначе, чѣмъ г. предсѣдатель совѣта министровъ. Я думаю, что успокоеніе будетъ слѣдствіемъ права, что успокоеніе наступитъ только тогда, когда власть перестанетъ грозить, перестанетъ превозносить грубую силу, когда она покажетъ наконецъ примѣръ подчиненія закону, когда она не станетъ призывать имя Божіе въ оправданіе неправомѣрныхъ дѣйствій“.

Далѣ ораторъ произнесъ:

„Я самъ съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда предъ словами „русскій гражданинъ“ будетъ останавливаться власть, не смѣя нарушить права этого гражданина. Но въ настоящій моментъ правительство вовсе не стремится создать для своихъ органовъ подобную непреходимую грань—изъ основныхъ государственныхъ законовъ и личной свободы каждаго отдѣльнаго русскаго гражданина. Стала ли правдой та статья основныхъ законовъ, которая утверждаетъ, что Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи существующихъ законовъ? Увѣрены ли мы въ томъ, что права каждаго изъ насъ не будутъ самымъ грубымъ образомъ нарушены во имя мгновеннаго пониманія государственной пользы, возникшаго въ умѣ какаго-нибудь временнаго носителя чрезвычайной власти? Домъ каждаго изъ насъ сдѣлался ли неприкосновеннымъ замкомъ? Могу ли я быть увѣреннымъ, что мой домъ не будетъ сожженъ завтра властью?“

Говорившій уже въ слѣдующемъ засѣданіи кадетъ г. Бобинскій коснулся цифровыхъ данныхъ, касающихся уголовно-политическихъ дѣлъ.

„Цифры эти таковы,—сказалъ ораторъ:—къ смертной казни приговорено 2.700 чел., къ каторжнымъ работамъ—около 4.000, всего же судилось по политическимъ дѣламъ около 18.000. Изъ этого числа судились, какъ за террористическія дѣйствія, такъ и за преступленія на аграрной почвѣ, около 3.000 человѣкъ. Итакъ 15.000 составляютъ такія политическія дѣла, которыя являются выраженіемъ борьбы съ извѣстными теченіями и направленіями политической мысли. Приведенныя цифры съ достаточною убѣдительною говорятъ, что правительственныя репрессіи направлены не только на террористическія дѣйствія, но и на борьбу съ теченіемъ политической мысли. Съ этой точки зрѣнія, выраженіе, которое допущено въ деклараціи: „борьба съ терроромъ“—не является достаточно обоснованнымъ. Та борьба, которую ведетъ правительство перешла эти предѣлы; она направлена на такія отрасли, гдѣ, по видимому, уголовныя репрессіи не могутъ считаться безусловно необходимыми. Съ этой точки зрѣнія, репрессія перешла мѣру и введеніе ея въ надлежащія границы является безусловно необходимымъ.“ По мнѣнію г. Бобяцкаго, прежде чѣмъ приступить къ законодательной дѣятельности, необходимо, чтобы дума высказалась противъ примѣненія репрессій при существующихъ условіяхъ.

Путь, избранный правительствомъ, по мнѣнію четвертаго представителя ка-детской партіи г. Аджемова, вытекаетъ изъ того, что оно „всю силу своей власти раздробило между тѣми сатрапіями которыя созданы въ странѣ и дѣйствуютъ самостоятельно. Нѣтъ сомнѣнія, что центральная власть безсильна подчасъ предъ этими сатрапіями, что тамъ существуетъ на каждомъ мѣстѣ свой законъ и въ данномъ случаѣ правительство, если бы оно провозгласило точку зрѣнія права и необходимость стать твердо на точку зрѣнія реформъ, оно осталось бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо въ данномъ случаѣ мѣстныя сатрапіи стоятъ на иной точкѣ зрѣнія,—на точкѣ зрѣнія полной реакціи“.

Пятый ка-детскій ораторъ по вопросу права и силы, г. Пергаментъ, бросилъ слѣдующій упрекъ:

„Если бы я васъ спросилъ: всякій ли житель Россійской Имперіи при условіи исполненія законовъ и добросовѣстнаго несенія тяготъ, которыя падаютъ по государственной разверсткѣ на его плечи въ правѣ сказать, что онъ—сынъ этого государства, что государство является для него не злой мачехой, а матерью родной? — при желаніи быть добросовѣстными, вы должны были бы отвѣтить мнѣ нѣтъ. Давно забыты тѣ великія слова, которыя обѣщали незыблемыя основанія и дѣйствительныя гарантіи личной неприкосновенности и обезпеченія гражданскаго равноправія. Это не дано до сих поръ и мы не слышали о намѣреніяхъ правительства къ этому стре

миться. Намъ говорили, что путемъ поднятія матеріальнаго благосостоянія желаютъ создать и развить въ русскомъ человѣкѣ чело-вѣческое достоинство, но я вамъ отвѣчу: на нивѣ безправія не растетъ колось чело-вѣческаго достоинства“.

Объ отношеніи, существующемъ будто бы со стороны правитель-ства къ народному представительству, говорилъ тотъ-же г. Перга-ментъ.

„Если мы становимся такъ настойчиво и опредѣленно на точку зрѣнія права и законности,—сказалъ онъ,—то это потому, что мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, блюдемъ и достоинство народнаго представительства. Намъ кажется, что достоинство это можетъ быть нарушено, и не только тогда, когда министры обращаются съ одними междо-метіями. И въ членораздѣльной рѣчи можетъ быть выражено неува-женіе къ народному представительству, и я смѣю думать, что та позиція, на которой стоитъ правительство, когда оно ставитъ себя во главу угла, а народному представительству предлагаетъ плестись въ хвостъ, — знаменуетъ собою полное неуваженіе къ народному представительству“.

Въ этомъ отношеніи его поддержалъ ка-детъ г. Масленниковъ, произнесшій слѣдующія слова:

„Съ чѣмъ же приходитъ теперь министерство, съ какими взгля-дами? за какими совѣтами оно приходитъ къ намъ? Въ сущности, оно приходитъ къ намъ, вовсе не видя въ насъ представителей на-рода, отъ которыхъ оно ждетъ указаній, помощи въ разрѣшеніи во-проса. Нѣтъ, оно приходитъ къ вамъ съ опредѣленной, ясно со-знанной программой и говоритъ вамъ: вотъ программа, вы можете дѣлать въ ней поправки и добавленія, измѣненія, но проводить ее будемъ мы“.

Итакъ, затронутый г. Столыпинымъ вопросъ о силѣ встрѣтилъ рѣзкія возраженія со стороны ка-детовъ. Объ отношеніи этой партіи къ правительству, а также къ господствующимъ теперь въ думѣ октябристамъ можно замѣтить изъ словъ гг. Милокова и Аджемова. Первый заявилъ:

„Въ первыхъ двухъ думахъ мы тщетно старались установить гармонію между правительствомъ и парламентомъ. Тщета нашихъ усилій нынѣ объясняется нашей неработоспособностью и нашей анти-государственностью. Мы рѣшительно отвергаемъ такія обвиненія. Усилия наши были тщетны просто потому, что нами руководятъ тен-денціи не тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя желаетъ опе-реться правительство. Для того, чтобы добиться этого результата, для того, чтобы установить гармонію думы и правительства, у насъ не остановились предъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. Получился, такимъ образомъ, парламентаризмъ наизнанку. Не власть приспо-

соблюдается къ думѣ, а дума должна приспособляться къ власти. Не знаю, поднимуть ли октябристы то предложеніе поддержать правительство, которое имъ сдѣлалъ гр. Вобринскій. Если они заявятъ о поддержкѣ правительству, то думское большинство образовалось. По отношенію къ этому большинству мы займемъ совершенно определенную позицію. Мы всегда будемъ поддерживать октябристовъ, когда надо будетъ защищать конституцію. Но мы никогда не станемъ на путь узко-классового законодательства, такъ какъ мы не желаемъ раздѣлить съ октябристами ту тяжелую отвѣтственность предъ страной, которую они на себя берутъ“.

Г. Мялюкова продолжилъ г. Аджемовъ, заявившій:

„Союзъ 17-го октября словами Капустина сознался здѣсь, что разсматриваетъ государственную думу, какъ помощницу правительства. Наша точка зрѣнія—обратная. Правительство должно пользоваться довѣріемъ народнымъ, и только тѣ законы, тѣ мѣропріятія правительства будутъ жизненными и только тогда бюрократическій строй отойдетъ въ прошлое, когда правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ будетъ считаться съ голосомъ народа, который въ нашемъ лицѣ здѣсь говоритъ. Если вы говорите, что это не такъ, то вы отрицаете свои полномочія“

Мирнообновленцы.

Между ка-детами и октябристами стали мирнообновленцы. Отъ нихъ съ обстоятельной рѣчью выступилъ Н. Н. Львовъ; наиболее интересная часть этой рѣчи слѣдующая:

„Нельзя ожидать, что государственная дума явится покорнымъ орудіемъ власти—не это ея предназначеніе, не такова ея задача. Ея задача заключается въ томъ, чтобы въ себѣ совокупить все общественные элементы, которые заключаются въ странѣ. И вотъ борьба на почвѣ закона, внутренняя борьба, вотъ что составляетъ жизненный нервъ этого учрежденія. Государственная дума предназначена быть ключемъ и нервомъ общественной жизни. Если будутъ забывать общественныя силы, если не дать имъ проявить себя въ дѣйствіяхъ, то что же выходитъ? Если власть сильна, она можетъ придушить на время, налегая тяжелой рукой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привести въ хилость весь живой народный организмъ. Такое подавленіе общественныхъ силъ приводитъ къ тому, что движеніе, неясно выраженное, проявляется въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Происходитъ тогда хаотическое столкновеніе, происходитъ страшный взрывъ. Вѣдь, то, что мы переживаемъ, не есть революціонное движеніе—это безумный, бессмысленный, разрушительный, самъ себя уничтожающій процессъ. Что же можетъ остановить его? Вы можете это

сдѣлать, если введете его въ русло права, если представите выраженіе всѣхъ интересовъ, если поставите ихъ на почву борьбы п законнаго осуществленія. Вотъ назначеніе государственной думы и виѣ этого нѣтъ основаніи для установленія представительнаго учрежденія“.

Правые.

Конечно, въ совсѣмъ другомъ тонѣ были рѣчи правыхъ и правыхъ умѣренныхъ. Мы въ № 22 „Клада“ уже приводили почти цѣликомъ рѣчь графа В. А. Бобринскаго. Отмѣтимъ изъ нея здѣсь лишь слѣдующее:

„Само собою разумѣется, что работать мы будемъ совмѣстно и дружно съ правительствомъ, помимо всякихъ соображеній о нашемъ сочувствіи, довѣрїи или недовѣрїи къ тому или иному министру, или даже ко всему министерству въ совокупности. Мы будемъ помогать имъ, потому что они облечены довѣріемъ нашего Государя; а они будутъ помогать намъ потому, что мы избраны страдой— тоже по зову Государя, и потому, что одинаково съ правительствомъ преданы Государю Императору и проникнуты желаніемъ восстановленія счастья, процвѣтанія и величія оскорбленнаго, измученнаго и истощеннаго смутой нашего отечества. Сочетаніе административной опытности, трудолюбія и осторожности правительства съ нашимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и нуждъ, сочетаніе нѣсколько бездушнаго, рутиннаго бюрократическаго порядка съ иногда порывистымъ нашимъ стремленіемъ впередъ— вотъ залогъ успѣха нашей работы въ третьей г. думѣ“.

Говорившій отъ имени правыхъ г. Марковъ 2-й пропзнесъ такіа слова:

„Мы, представители правыхъ, не будемъ говорить о томъ, что мы собираемся дѣлать. Мы привѣтствуемъ правительство Самодержца Всероссийскаго и поздравляемъ его съ той программой, которую оно объявило. Если мы съ нашими слабыми разрозненными силами сумѣемъ облегчить труды правительства Самодержца Всероссийскаго, то это будетъ для насъ высшей наградой. Во всякомъ случаѣ мы просимъ правительство энергично соблюдать возвыщенную намъ прекрасную, возвышенную, чудную программу. Если правительство Его Императорскаго Величества выполнитъ хотя бы половину того, что здѣсь объявлено, то Россія будетъ вознесена на высоту могущества, силы и покоя“.

Въ другой своей рѣчи тотъ же ораторъ сказалъ:

„Говорятъ, что мы, правые, полагаемъ, что сила— прежде всего. Но представьте себѣ, что вы, человѣкъ права, правды и законности, находитесь дома, и вдругъ къ вамъ въ окно дѣзетъ звѣршина

физиономія, которая зарѣжетъ вашихъ дѣтей, вашу жену и убьетъ вѣсь. И вы, вмѣсто того, чтобы всадить ему пулю въ лобъ, будете ожидать другого дня, когда соберется судъ, будете жаловаться... Нѣтъ, когда обстоятельства вынуждаютъ къ самозащитѣ, мы говоримъ—стрѣляйте въ упоръ!”

По вопросу о силѣ и правѣ высказался и сп Евлогій, сказавшій:

„Право не есть еще воплощеніе всей правды жизни, надъ правомъ возвышается высшая правда Божія, евангельская, которая вся состоитъ въ отреченіи отъ всѣхъ правъ. Однако, и стоя на этой высшей евангельской точкѣ зрѣнія, мы, представители церкви, едва ли можемъ отказать правительству въ его правѣ въ исключительныхъ случаяхъ пользоваться силой постольку, поскольку политика еще не совпадаетъ съ Евангелиемъ и поскольку царство человеческое еще не доросло до царства Божія“.

Изъ праваго же лагеря раздалась интересная по тону рѣчь крестьянина Гулькина:

„Здѣсь говорили рѣчи пресвященные архіереи, іереи, профессора, графы, князья, мало говорили только крестьяне. Я скажу теперь отъ лица крестьянъ, отъ русскаго народа. Прослушавъ декларацию правительства, а также рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, я считаю долгомъ своимъ, отъ лица пославшихъ меня крестьянъ, высказать правительству полное довѣріе. Господину же предсѣдателю совѣта министровъ, за его обѣщаніе поддержать въ странѣ законъ и порядокъ,—низко кланяюсь. Господа народныя представители! Я слышалъ здѣсь нѣсколько ораторовъ, членовъ г. думы гр. Уварова, Капустина и Илевако,—и всѣ они говорили только про октябрь. Около двухъ недѣль, какъ все объ этомъ толкуютъ, и не могутъ ничего рѣшить. Господа, въ манифестѣ 17-го октября нѣтъ никакой тайны и я вамъ скажу, какъ понимаемъ этотъ манифестъ мы. Государь далъ намъ г. думу,—такъ имѣемъ ли мы право Тому, Кто это создалъ, говорить, почему Онъ ее создалъ такую? Русскіе люди—прежде всего націоналисты и наше первое правило уважать національные завѣты. Россія должна быть единая и недѣлимая. На манифестъ 17-го октября мы должны смотрѣть не какъ на конституцію, имѣющую цѣлью сузить державную волю Государя, а какъ на желаніе Царя имѣть единеніе съ народомъ. Государь Императоръ послѣ изданія манифеста 17-го октября остается такимъ же самодержавнымъ и имѣетъ право отнять старые и издавать новые манифесты. Если же гг. инородцы будутъ намъ мѣшать работать, мы скажемъ имъ просто по-русски: Россія—это мы, русскіе, и не чѣмъ инымъ, а только нашими русскими руками должно создаваться русское государство. Россія должна быть единой и недѣлимой, и мы за нее должны лечь костью“

Соціалъ-демократы и трудовики

Въ заключеніе остановимся на рѣчахъ соціалъ-демократовъ и трудовиковъ. Отъ нихъ имени говорили гг. Покровскій, Чхеидзе, Полетаевъ, Кропотовъ и М. Петровъ. Эти рѣчи были полны выщадовъ на политику правительства, устанавливали его неправильныя, съ точки зрѣнія эсъ-дековъ, гибельныя для народа мѣропріятія, сыпали выраженіями о землѣ и волѣ и проч., и проч., что доводилось десятки разъ слышать въ первыхъ двухъ думахъ. Всѣ ихъ положенія свелись къ слѣдующимъ двумъ формуламъ.

Первая изъ нихъ была внесена соціалъ-демократами и содержитъ слѣдующія выраженія:

„Выслушавъ декларацію правительства и констатируя, что правительство попрежнему ведетъ политику исключительной защиты интересовъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и хищническихъ слоевъ буржуазіи, фактически возстановляя самодержавіе, безгранично усиливая административно-полицейскій произволъ, подрывая основы матеріальнаго и культурнаго существованія страны, ожесточенно борясь противъ жизненно-необходимыхъ требованій рабочаго класса и широкихъ массъ малоземельнаго крестьянства, и продолжаетъ истребительную войну съ освободительнымъ движеніемъ,—государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Трудовики предложили слѣдующее:

„Заслушавъ заявленіе г. предсѣдателя совѣта министровъ и зная: 1) что законность является основнымъ принципомъ всякой государственности, основой, въ силу которой законы обязательны не только для гражданъ, но и для правительства; 2) что дѣйствительное успокоеніе страны можетъ быть достигнуто только при условіяхъ поднятія благосостоянія трудового народа посредствомъ передачи всей земли въ руки трудящихся, посредствомъ широкаго законодательства и облегченія податнаго бремени, лежащаго всей своей тяжестью на трудовомъ населеніи; 3) что, равнымъ образомъ, для успокоенія страны необходимо полное уравненіе всѣхъ гражданъ предъ закономъ и обезпеченіе гражданской свободы, съ отмѣной всѣхъ исключительныхъ законовъ и положеній; 4) что для осуществленія правосудія необходима дѣйствительная независимость и несмѣняемость судей; 5) что осуществленіе перечисленныхъ условій возможно лишь при отвѣтственности правительства предъ полноправной думой, избранной на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права,—признавая все это и отмѣчая, что правительство въ своей деклараціи отдаетъ первенство силѣ предъ правомъ, гос. дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Еще о Г. К. Шмидѣ.

Въ двадцать второй книгѣ «Клада» мы удѣлили нѣсколько страницъ очень серьезному въ жизни государственной думы вопросу, а именно: нахожденію въ ея составѣ, въ качествѣ избранника отъ Минской губерніи—Густава Карловича Шмида. Тамъ же приведены были нѣкоторыя сообщенія о его предшествующей жизни—сообщенія, говорящія о такихъ фактахъ, которые лицу, совершившему ихъ, врядъ-ли дають право быть законодателемъ страны. Кромѣ того, было напечатано и письмо священника о. Можаровскаго, полное болѣзненныхъ, мучительныхъ криковъ о томъ, что всѣ разоблаченія о жизни Г. К. Шмида, какъ хлыстъ мѣ, бьютъ минскихъ избирателей, удостоившихъ Г. К. Шмида чести быть государственнымъ выборнымъ.

Это письмо о. Можаровскаго не осталось безъ отвѣта со стороны минскихъ избирателей и мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что минчане высказали въ защиту своего избранника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою.

Этотъ отвѣтъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Члены минскаго выборнаго комитета, къ великому своему удивленію, въ числѣ застрѣльщикова, оттачивающихъ ядовитыя стрѣлы противъ Г. К. Шмида, встрѣтили и священника І. Можаровскаго, выступившаго противъ него въ еврейскомъ органѣ «Бпрж. Вѣд.». Если кому либо неумѣстно сидѣть въ пледѣ «честныхъ спасителей отечества», то именно священнику минской епархіи. Духовенство минской епархіи знаетъ, кто такой Шмидъ, и знаетъ тѣхъ, кто въ послѣдніе мѣсяцы надсаживается отъ злобы и досады, что въ государственную думу отъ Минской губерніи избранъ онъ, Шмидъ. Духовенство знаетъ и то, что травля противъ Шмида началась въ литературномъ польскомъ изданіи «Окрайна», возникшемъ въ противовѣсъ «Минскому Слову», издаваемому Шмидомъ, затѣмъ перенесена въ «Русь», «Товарищъ», «Русское Слово», «Биржевыя Вѣдомости» и другіе органы «освободительнаго направленія», издаваемые и редактируемые поляками и евреями, или же заполняемые издѣльями польско-еврейской кухни.

«Въ этихъ органахъ славословилося все то, что измѣняло Россіи, русскому Царю и русскому народу и что вредило русскому государству. Здѣсь пѣли гимны тому Шмидту, который измѣннически увлекъ на Черномъ морѣ нѣсколько сотенъ русскихъ моряковъ къ постыдному дѣлу, — тѣмъ, кто вздиль за границу подрывать кредитъ русскаго государства, а затѣмъ засѣдать въ той же государственной думѣ, въ качествѣ ея члена и даже товарища председателя. Въ первыхъ двухъ думахъ были десятки и сотни «измѣнниковъ чистойшей воды, явившихся въ качествѣ лучшихъ избранниковъ народныхъ» прямо изъ ссылки и тюрьмы. Но названные выше подголоски

революціи не только не выражали своего негодованія по ихъ адресу, а наряду съ избирателями этихъ «лучшихъ людей», выражали имъ свое сочувствіе.

«И вообще, развѣ травля Шмида вытекаетъ изъ чувства негодованія противъ измѣны? О, если бы Шмидъ дѣйствительно измѣнилъ русскому Царю, и только измѣнилъ! Его имя было бы велико и славно во всѣхъ революціонныхъ подпольяхъ. Но не въ этомъ дѣло: не въ томъ вина Шмида, что лѣтъ двадцать тому назадъ онъ былъ припутанъ къ какой-то темной исторіи. А суть въ томъ, что такое Шмидъ въ настоящее время, что такое «Минское Слово», какому знамени оно служить, что говорятъ и пишутъ въ немъ.

«Шмидъ—человѣкъ большого ума, сильной мысли, громадной энергіи, стальной воли, и всѣ свои великія дарованія онъ отдалъ не «освободительному движенію», не еврейскому равноправію, не польской автономіи, а русскому народу, русской государственности, западно-русскому краю и ся сѣрому обитателю—бѣлоруссу. Шмидъ отдалъ свои крупныя силы на служеніе русскому Царю и народу беззавѣтно, безстрашно, не боясь ни угрозъ, ни клеветы, ни бывшихъ на него неоднократныхъ покушеній. Когда кругомъ кипѣла революція съ ея митингами, красными тряпками, забастовками и терроромъ, Шмидъ, въ то время служившій въ управленіи Либаво-Роменской жел. дор., не устранился и не испугался, смѣло назвалъ вещи своими именами и съ рѣдкимъ мужествомъ сталъ на защиту закона, порядка и интересовъ русскаго народа, насиліе надъ которымъ евреи и поляки думали произвести путемъ революціи.

«Впрочемъ, направленіе мысли и дѣятельности Шмида сказалося не въ послѣдніе лишь годы. Когда покойный «Бѣлорусскій Вѣстникъ» былъ русскимъ органомъ, въ немъ пять лѣтъ тому назадъ появились статьи талантливыя, полныя мысли и силы. Статьи эти ковалъ Кузнецовъ, который въ «Минской Рѣчи» и въ «Минскомъ Словѣ» переименовался въ Шмида, теперь извѣстнаго всей Россіи, хотя и не съ той стороны, съ какой его должны знать всѣ русскіе люди. Послѣдніе въ простотѣ сердечной думаютъ, что если «Русское Слово» и польско-еврейскіе органы печати клеймятъ Шмида за какую-то измѣну, то Шмидъ, дѣйствительно, ужасный человѣкъ. Они и не догадываются, что если бы онъ измѣнилъ русскому Царю и русскому государству, подобно своему однофамильцу, то у этихъ органовъ онъ былъ бы великимъ поборникомъ свободы и правъ «русскаго народа».

«Но въ томъ-то и дѣло, что Г. К. Шмидъ—поборникъ русской государственности и защитникъ русскаго народа отъ еврей и поляка, а это, какъ извѣстно, нынѣ великій грѣхъ, за который слѣдуетъ виновнаго распять на крестѣ. Даже многіе русскіе люди объ этомъ не догадываются. Но мы-то, живущіе въ Западной Руси, все это видимъ, знаемъ, понимаемъ. Видитъ все это и понимаетъ и духовенство минской епархіи, благодарное Шмиду за его подвигъ, за поднятіе имъ нашего самосознанія, за самоотверженную работу предъ выборами во вторую и въ третью думу. Шмиду во многихъ отношеніяхъ обязана Минская губернія тѣмъ, что поляки и евреи оказались не хозяевами губерніи и остались безъ представителей въ г. думѣ. Конечно, за

это слѣдуетъ «только позорить» Шмида, и «благодарность» не-сется отовсюду, гдѣ есть хоть одинъ полякъ или еврей: русскіе лишь вторять голосамъ польско-еврейскимъ, воображая, что они спасаютъ отъ измѣнниковъ русскую землю.

«Да, о. Можаровскій! Не за свое дѣло вы взяли: недостойную роль вы играете. Вы знаете Шмида? Вы осведомлены, почему онъ поставленъ кандидатомъ въ думу и избранъ въ члены думы? Едва ли знаете! Знаетъ это предвыборный комитетъ, съ его «митроноснымъ» (постыдная іерейская иронія!) почетнымъ председателемъ. Знаютъ также русскіе граждане г. Минска, у коихъ головы не извращены революціоннымъ угаромъ. Единственно чего не знаетъ комитетъ—это того несчастья, какое когда-то случилось съ Шмидомъ, но этого не знаете и вы, отче, и не знаютъ ваши единомышленники, евреи и поляки, радующіеся вашему выпадъ въ еврейской газетѣ, но, несомнѣнно, презирающіе васъ и такихъ, какъ вы.

«Комитетъ, состоящій изъ лицъ разныхъ званій и положеній, знаетъ Шмида, какъ крупнаго общественнаго дѣятеля, какъ крупную умственную силу, всецѣло отданную на служеніе западно-русскому народу, и во имя этого служенія нашей родинѣ, комитетъ указалъ, а русскіе люди избрали Шмида, какъ представителя Минской губерніи въ государственную думу. Поляки и евреи еще предъ вторъ думой твердили русскимъ: «Кого угодно выбирайте, только не Шмида». Забудьте, что въ это время еще не было и рѣчи о «судимости» Шмида, а между тѣмъ онъ уже вызывалъ у враговъ русскаго народа зубовный скрежетъ.

«Подоспѣли выборы въ третью думу. Стали обозначаться дурные предвѣстники: русскіе могутъ не допустить въ думу «освобожденцевъ». Поляки забили тревогу; врага нечего было искать: онъ налицо; онъ — председатель выборнаго комитета онъ агитируетъ, пишетъ пламенные статьи, зоветъ русскій народъ на борьбу, къ объединенію. Врага нужно сразить во что бы то ни стало. Нашелся «освободитель» изъ русскихъ, сумѣвшій розыскать гдѣ-то какіе-то документы о судимости Шмида. О, радость! Наканунѣ предъизбранія кандидата въ выборщики русскому собранію въ органахъ поляковъ, никогда не измѣнявшихъ русскому Царю, появился отысканный документъ. Думалось, что вотъ тутъ и убитъ будетъ медвѣдь. Но медвѣдя «русское быдло» вынесло изъ мѣста собранія на рукахъ.

«Травля продолжалась до выборовъ, во время выборовъ и продолжается до сего времени. Въ ней принимаютъ участіе всѣ «вѣрноподанные» польско-еврейскіе органы, за ними пошли главныя русскіе подголоски, на самомъ дѣлѣ вообразившіе, что евреи и поляки стоятъ за честное имя членовъ государственной думы.

«Куда приписать священника Можаровскаго, который, какъ священникъ минской епархіи, знаетъ цѣну всѣхъ еврейско-польскихъ нападокъ противъ Шмида? Одно изъ двухъ: или о Можаровскій—крайне ограниченный умственно человекъ, или же онъ надѣется, что Минская губернія скоро станетъ не то Палестиной, не то частью Рѣчи Посполитой. Стыдно, отче Цамъ стыдно, что у насъ есть священники, подобные вамъ».

Однако, вопреки этой горячей защитѣ, всѣ до сихъ поръ

звѣстные о Г. К. Шмидѣ факты подтверждаются слѣдующими строками «Голоса Москвы»—газеты, являющейся оффиціознымъ органомъ октябристовъ, т. е. отнюдь не состоящей въ распоряженіи ненавистныхъ для минскаго русскаго выборнаго комитета евреевъ, а руководимой чисто русскимъ человекомъ, членомъ государственной думы А. И. Гучковымъ.

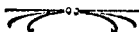
По словамъ «Голоса Москвы», документы, доставленные морскимъ министерствомъ въ гос. думу, неопровержимо устанавливаютъ, что членъ думы Шмидъ съ корыстной цѣлью, за 1.600 рублей, въ сообществѣ съ супружеской четой М., согласился продать иностраннымъ военнымъ агентамъ утвержденный русскимъ правительствомъ планъ обороны Кронштадта.

«Согласился продать и... продалъ, но только не утвержденный русскимъ правительствомъ планъ, котораго у Шмида, по его скромному служебному положенію, быть не могло, а планъ крѣпости Кронштадтъ имъ срисованный.

«Высидѣвши 16 мѣсяцевъ въ предварительномъ одиночномъ заключеніи, Шмидъ былъ сосланъ на житье въ Сибирь безъ срока, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ и лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

«Поселившись въ Сибири, Шмидъ устроился на службѣ на желѣзной дорогѣ и не пропускалъ ни одного манифеста, чтобы не добиться какого нибудь частичнаго улучшенія своей участи. Наконецъ, онъ добился права возвращенія въ Россію, но безъ права жительства въ обѣихъ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ. Поселившись въ г. Минскѣ, Шмидъ обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ властей своей «патріотической дѣятельностью и непоколебимой преданностью родицѣ». Мѣстное начальство вошло съ представленіемъ о возвращеніи Шмиду чиновъ, и, на основаніи представленій мѣстной администраціи, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе «считать Шмида уволеннымъ отъ службы въ чинѣ капитана 2-го ранга».

Въ заключеніе приведемъ слѣдующее извѣстіе изъ «Н. Вр.»: «28-го ноября, въ 12 ч. дня, открылось засѣданіе 2-й комиссіи второго отдѣла гос. думы, разсматривающій дѣло Шмида. Въ засѣданіи присутствовалъ главный военно-морской прокуроръ т. с. Матвѣенко, представившій новые документы, имѣющіе большое для дѣла значеніе. Мнѣніе объ исключеніи Шмида изъ числа членовъ г. думы въ средѣ комиссіи укрѣпляется. Комиссія постановила затребовать указы правительствующаго сената 1906 г. № 85 и 1907 г. № 462, а также указъ сената по отношенію Льва Тихомірова (отъ Москвы) и Высочайшее повелѣніе о Василии Андреевичѣ Карауловѣ (по Енисейской губ.).»

Дѣло с.-д. депутатовъ второй государственной думы.

22-го ноября въ помѣщеніи судебныхъ установлений открылось засѣданіе судебного присутствія сената по громкому дѣлу социаль-демократической фракціи 2-й государственной думы, — дѣлу, которое, какъ извѣстно, послужило причиною роспуска 2-й думы.

Заль 1-го уголовного отдѣленія, въ которомъ происходило засѣданіе, также былъ оцѣвленъ полиціей.

Туда не пропускали никого, за исключеніемъ двухъ-трехъ десятковъ близкихъ родственниковъ подсудимыхъ.

Засѣданіе открылось въ началѣ перваго часа дня.

Составъ присутствія слѣдующій: предсѣдательствуетъ сенаторъ Дайеръ, члены присутствія: сенаторы Звременской, Клингенбергъ, Вуичъ и Варваринъ. Въ качествѣ сословныхъ представителей присутствуютъ: спб. губернский предводитель дворянства гр. Гуловичъ, лужскій уѣздный г. Тиранъ, московскій городской голова Гучковъ и волостной старшина.

Обвинителемъ выступилъ прокуроръ спб. судебной палаты Камышанскій. Защита разбилась на три группы: въ первой группѣ, защищающей бывшихъ членовъ думы, участвуютъ: Н. Д. Соколовъ, Л. Н. Андронниковъ, М. С. Маргулисъ, К. Н. Муравьевъ, Ф. А. Волькенштейнъ, В. В. Исаченко, А. Я. Гальперинъ и другіе. Во второй группѣ, защищающей военную организацію, участвуютъ: Кальмановичъ, Гольдштейнъ, Бартъ, Березштамъ, Кедринъ, Цитронъ, Турутинъ. Въ третьей группѣ отколовшихся отъ фракціи семерыхъ бывш. членовъ думы защищаютъ: Пергаментъ, Аджемовъ и Тесленко. Свидѣтелей вызвано обвиненіемъ всего 31 человекъ и два эксперта.

Бывшіе члены государственной думы второго созыва — кр. П. А. Аникинъ, 33 л.; кр. В. А. Анисимовъ, 23 л.; мѣщ. В. М. Баташевъ, 33 л.; именующій себя дворяниномъ Д. К. Бѣлановскій, 28 л.; кр. Г. Е. Бѣлоусовъ, 31 г.; кр. А. П. Вагжановъ, 30 л.; кр. В. А. Вахрушевъ, 45 л.; окончившій томскій университетъ сынъ священн. А. К. Виноградовъ, 30 л.; кр. М. Н. Вовчинскій, 26 л.; кр. И. Ф. Головановъ, 31 г.; кр. И. А. Губаревъ, 30 л.; мѣщ. И. А. Гуменко, 38 л.; двор. А. Л. Джапаридзе, 28 л.; кр. П. Г. Измаиловъ, 28 л.; кр. А. В. Калининъ, 26 л.; происходящій изъ духовнаго званія К. Е. Кандеяки, 26 л.; кр. Н. А. Кацашвили, 30 л.; сынъ ст. сов. И. И. Кириенко, 29 л.; мѣщ. В. Б. Ломтагидзе, 28 л.; кр. И. А. Лопаткинъ, 28 л.; кр. И. П. Маревъ, 30 л.; сынъ псаломщика Г. Ф. Мачарадзе, 27 л.; кр. И. Е. Мироновъ, 25 л.; мѣщ. И. Н. Нагихъ, 27 л.; кр. И. А. Петровъ, 34 л.; отставной канцелярскій служитель И. А. Петровъ, 36 л.; мѣщ. Ф. I. Приходько, 29 л.; кр. К. А. Рубанъ, 40 л.; приписанный къ цеховымъ г. Сумъ П. М. Рыбальченко, 28 л.; кр. В. Г. Сахно, 43 л.; кр. Н. С. Степановъ, 35 л.; мѣщ. В. М. Сѣровъ, 28 л.; сынъ чиновника Г. Г. Федоровъ, 29 л.; кр. М. М. Фомичевъ, 26 л.; двор.

И. Г. Церетелли, 25 л.; кр. В. А. Чапчинъ, 23 л.; мѣщ. П. К. Юдинъ, 45 л., обвиняются въ томъ, что въ 1907 году въ Петербургѣ подъ именемъ социаль-демократической думской фракціи образовали преступное сообщество, которое цѣлью своей дѣятельности поставило насильственное низверженіе, посредствомъ вооруженнаго народнаго возстанія, установленнаго основными законами образа правленія, лишеніе Государя Императора верховной власти и учрежденіе въ Россіи демократической республики.

Во-вторыхъ, сынъ купца А. В. Сапотницкій, 24 л.; дочь надв. сов. Н. И. Морозова, 23 л.; домашн. учит. Л. И. Субботина, 24 л.; кварт. гвард. эк. А. П. Архиповъ, 24 л.; ефр. воздухоплав. парка К. М. Колясниковъ, 22 л.; нестр. мл. разр. л.-гв. атаманск. полка Г. И. Кременсковъ, 24 л.; казакъ того же полка М. А. Поповъ, 22 л.; нестр. мл. разр. того же полка В. С. Ковалевъ, 23 л.; ефр. 145 новочеркаскаго полка И. Ш. Эпштейнъ, 22 л.; казакъ 1-го хоперскаго полка Т. Ф. Долговъ, 22 л.; бомб. л.-гв. 2-й артилл. бриг. И. Н. Воробьевъ, 24 л., обвиняются въ участіи въ преступномъ сообществѣ, именуемомъ себя «военною организаціею» при петербургскомъ комитетѣ російской социаль-демократической партіи, пропагандѣ среди нижнихъ чиновъ и т. п.

И въ третьихъ—мѣщ. С. А. Фишеръ, 26 л., обвиняется въ предоставленіи своей квартиры, въ домѣ подъ № 129 по наб. Фонтанки, для тайныхъ собраній членовъ названнаго преступнаго сообщества.

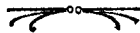
Черезъ полчаса послѣ открытія засѣданія, къ всеобщему удивленію, изъ зала суда вышла значительная часть защитниковъ, 30 бывшихъ членовъ 2-й думы были отведены обратно въ домъ предварительнаго заключенія, освободивъ отъ обязанностей защиты и своихъ защитниковъ.

Такимъ образомъ на судѣ остались 7 членовъ 2-й думы, отколовшихся уже ранѣе отъ социаль-демократической фракціи и 12 членовъ военной организаціи.

Въ 2 ч. 10 минутъ залъ засѣданія покинули и остальные защитники. Всѣ подсудимые были немедленно уведены.

Во второй день засѣданія были допрошены 20 свидѣтелей со стороны обвиненія. Когда на засѣданіе суда явились 6 подсудимыхъ, немедленно были вызваны ихъ защитники. Однако прибыли только присяжные повѣренные Бартъ и Цитронъ, остальные получили повѣстки ночью.

Къ началу засѣданія, на третій день прибыли присяжные повѣренные Пергаментъ, Алжемовъ и Тесленко. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія они рѣшили присутствовать на засѣданіи суда. Дѣло началось слушаніемъ въ 12 час. дня. Присутствовали тѣ же 6 подсудимыхъ, которые присутствовали наканунѣ. Въ самомъ началѣ засѣданія одинъ изъ подсудимыхъ—Ковалевъ ушелъ. Зато прибыли другой подсудимый, наканунѣ отсутствовавшій,—Кременсковъ.

Дѣло ген. Стесселя.

Долго ожидавшееся дѣло ген. Стесселя началось слушаніемъ въ Верховномъ судѣ 27-го ноября. Это дѣло вполне можетъ быть названо вскрытіемъ не зажившихъ и болящихъ ранъ Россіи. Да, эти раны болятъ, но ихъ необходимо вскрыть. Пусть больной еще разъ почувствуетъ жгучую боль, пусть эта жгучая боль стыда и позора, которая будетъ чувствоваться при чтеніи обвинительнаго акта на судѣ и раскрытіи деталей портъ-артурской эпопеи свидѣтелями, будетъ нестерпимой, — все же необходимо это претерпѣть. Но пусть терпѣніе не будетъ „никчемнымъ“, пусть оно принесетъ пользу, которой въ правѣ всѣ ожидать. Пусть вскрытіе гноящихся еще до сихъ поръ ранъ раскроетъ истинную причину болѣзни, всѣ мелкія детали причинъ ея возникновенія и пусть полученное такимъ образомъ знаніе послужитъ къ устраненію этихъ причинъ. Необходимо выдсрвѣть во что бы то ни стало, необходимо устранить на будущее время даже возможность новаго подобнаго же заболѣванія. Процессъ генерала Стесселя долженъ сдѣлать это великое для Россіи дѣло.

Верховный судъ по „дѣлу о бывшемъ начальникѣ квантунскаго укрѣпленнаго района, нынѣ уволенномъ отъ службы, ген.-лейт. Анатолиі Михайловичъ Стесселѣ, бывшемъ комендантѣ крѣпости Портъ-Артуръ генеральнаго штаба ген.-лейт. Константинѣ Николаевичѣ Смирновѣ, бывшемъ начальникѣ штаба квантунскаго укрѣпленнаго района ген. штаба полковникѣ (нынѣ ген.-м.) Рейсѣ, преданныхъ верховному военно-уголовному суду, по Высочайшему повелѣнію, на основаніи 1277¹ и 1277¹⁰ ст. ст. свода военныхъ постановленій 1869 года 24 кн. (приказъ по военному вѣдомству 1906 года № 285)“ засѣдаетъ въ большомъ залѣ офицерскаго собранія арміи и флота на Митейномъ проспектѣ въ Петербургѣ. Наличие громаднаго числа участвующихъ въ процессѣ свидѣтелей лишила возможности проникнуть на засѣданіе суда очень многихъ желающихъ. Хотя засѣданія и происходятъ „при открытыхъ дверяхъ“, но билеты для входа въ залъ засѣданій могли получить очень немногіе.

„Мы были свидѣтелями, — пишетъ корреспондентъ одной га-

зеты,—какъ явившіеся за билетами убѣленные сѣдинами генералы, быть можетъ, не разъ подставлявшіе свою грудь подъ японскія пули, должны были поворачивать предъ неприступными дверями суда“.

Къ моменту выхода суда въ первый день разбора дѣла 27-го ноября, къ 11 час. утра, залъ оказался переполненнымъ представителями военнаго вѣдомства. Кое гдѣ виднѣлись однако изящные туалеты дамъ. Подсудимые помѣстились на эстрадѣ съ правой стороны судей.

А. М. Стессель въ черномъ штатскомъ длинномъ сюртукѣ, въ петлицѣ—орденъ Георгія 4-й степени, на шеѣ—большой бѣлый крестъ Георгія 3-й степени. Онъ ходитъ, опираясь на толстую палку, такъ какъ плохо владѣетъ лѣвой ногой. Видъ Стесселя бодрый, спокойный, говоритъ громко и твердо. Повидимому, онъ мало измѣнился въ лицѣ за послѣдніе годы, очень похожъ на его портреты во время осады.

Генераль-лейтенантъ Смирновъ, бывшій комендантъ Портъ-Артура, въ блестящемъ расшитомъ серебромъ мундирѣ генеральнаго штаба, на мундирѣ много звѣздъ и орденовъ русскихъ и иностранныхъ. Сѣдые волосы и борода коротко острижены, усы кверху, какъ у германскихъ офицеровъ. Ген. Смирновъ держится особнякомъ отъ остальныхъ обвиняемыхъ. На скамьѣ подсудимыхъ ген. Смирновъ занимаетъ крайнее мѣсто отъ остальныхъ генераловъ.

Слѣдующее мѣсто, рядомъ съ нимъ, занимаетъ морской офицеръ, капитанъ 2-го ранга Шульцъ, его защитникъ, далѣе генералы Рейсъ, Фокъ и Стессель. Генераль-лейтенантъ Фокъ въ обще-генеральской формѣ, по своему возрасту—65 лѣтъ—выглядитъ старше остальныхъ обвиняемыхъ. На шеѣ и на груди—два бѣлыхъ Георгія, на портупелѣ золотое оружіе, украшенное брилліантами. Ген.-м. Рейсъ въ мундирѣ генеральнаго штаба, по возрасту моложе остальныхъ генераловъ.

Впереди обвиняемыхъ сидятъ ихъ защитники, кромѣ капитана 2-го ранга Шульца, сидящаго рядомъ съ генераломъ Смирновымъ. Стесселя защищаютъ прис. пов., членъ второй гос. думы Сыртлановъ и полковникъ Вельяминовъ, ген.-лейт. Фока—отставной ген.-лейт. Домбровский, ген.-маіора Рейса—прис. пов. Нечаевъ и Квашнинъ-Самаринъ.

Въ 11 час. 5 мин. дня появился судъ.

Предсѣдательствуетъ ген.-отъ-инф. Дукмасовъ; члены отъ военнаго вѣдомства: ген. Водаръ, Бильдерлингъ, Гончаровъ и Мыловъ; отъ военно-суднаго управленія бар. Остенъ-Сакенъ

«Щербоновичъ и представители отъ войска ген. Рузскій и Саранчевъ.

Обвинителемъ выступаетъ помощникъ главнаго военнаго прокурора, ген.-лейт. Гурскій.

За секретарскимъ попитромъ полк. Апушкинъ и секретарь отъ военно-окружнаго суда Соколовскій.

По открытїи засѣданія, предсѣдатель произвелъ обычный опросъ подсудимыхъ, затѣмъ суду представляются защитники и уже послѣ этого въ залъ были введены свидѣтели. Всѣхъ свидѣтелей вызвано было 120, но тринадцать изъ нихъ не явились. Среди явившихся находятся ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ, за нимъ ген.-л. Никитинъ и Бѣлый, свиты Его Величества ген.-м. Семеновъ, ген.-м. Горбатовскій, контръ-адмиралы: Эссенъ, Виренъ, Григоровичъ, Щенсновичъ, Лоцинскій, ген.-м. Костенко, ген.-м. Грязновъ, полковникъ Гурко, докторъ Гюбенетъ, полк.: Лебединскій, Дмитревскій, кн. Микеладзе, ген.-майоръ Махмедаровъ, лейтенанты: Подгурскій, Максимовъ и Витгефтъ, шт.-кап. Соломоновъ,—цѣлый рядъ офицеровъ, доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артура, украшенныхъ многочисленными знаками отличія, неоднократно тяжело раненыхъ.

Такъ какъ среди не явившихся свидѣтелей есть лица, чьи показанія признаются подсудимыми весьма существенными, то верховнымъ судомъ было выслушано заключеніе прокурора о степени существенности показаній нѣкоторыхъ изъ отсутствующихъ свидѣтелей и заявленія защиты по этому вопросу, а также по вопросу о вызовѣ въ судъ дополнительныхъ свидѣтелей. Постановленіемъ суда опредѣлено—вызвать указанныхъ защитой свидѣтелей; показанія неявившихся свидѣтелей—оберъ-егермейстера Балашова, ген.-лейт. Надѣина и врачей Рябинина и Розанова признать существенными и подлежащими оглашенію, причѣмъ въ случаѣ, если свидѣтелю ген.-лейт. Надѣину впослѣдствїи позволить состояніе здоровья, просить его прибыть въ засѣданіе суда. Затѣмъ, согласно ходатайству отставнаго ген.-лейт. Стесселя, судомъ постановлено было вызвать трехъ указанныхъ имъ дополнительныхъ свидѣтелей, послѣ чего всѣ свидѣтели были освобождены до 11 часовъ утра 28-го ноября, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ объявленъ перерывъ засѣданія до 2-хъ часовъ дня.

По возобновленїи засѣданія послѣ перерыва, былъ прочтенъ обвинительный актъ. Онъ представляетъ собой объемистую тетрадь въ 100 слишкомъ печатныхъ страницъ.

Увы! не однихъ только сидящихъ на скамьяхъ подсудимыхъ касается обвинительный актъ. Это—обвинительный актъ всему

сложившемуся строю жизни людей, которым вѣряются судьбы государства. Это—обвинительный актъ людямъ, личныя самолюбія ставящимъ выше всего, людямъ, не могущимъ примѣнить силу воли тамъ, гдѣ разгильдяйство не должно имѣть мѣсто. Бывшій строй создалъ многихъ такихъ людей въ средѣ, гдѣ въ особенности не желательно присутствіе такихъ людей.

Изъ обвинительнаго акта, напримѣръ, выясняется, что извѣщенный о несоотвѣтствіи своему положенію ген. Стесселя ген. Куропаткинъ; по соглашенію съ намѣстникомъ Дальняго Востока, приказалъ ген. Стесселю сдать командованіе крѣпостью коменданту ген. Смирнову, но, получивъ въ отвѣтъ на это письмо ген. Стесселя, успокоился и болѣе не настаивалъ на отозваніи ген. Стесселя. Намѣстникъ ген. Алексѣевъ, увѣжая изъ Портъ-Артура, отдалъ приказъ, разграничивающій область компетенціи трехъ наиболѣе крупныхъ представителей власти въ Портъ-Артурѣ — начальника укрѣпленнаго района г.-л. Стесселя, коменданта крѣпости г.-л. Смирнова и и. д. гражданскаго комиссара Квантунгской области и предсѣдателя городского совѣта подполк. Вершинина. Но это было сдѣлано такъ, что ген. Стессель могъ истолковать приказъ въ свою пользу.

Затѣмъ начались распри генераловъ. Ген. Стессель не стѣснялся впоследствии публично заявлять, что онъ „упразднилъ коменданта“. Приказомъ по крѣпости отъ 14-го апрѣля 1904 г., за № 317, онъ, ген. Смирновъ, установилъ обязательство закрывать во всѣхъ домахъ огни въ окнахъ и на балконахъ, обращенныхъ къ морскому фронту, дабы по этимъ огнямъ непріятельскіе миноносцы и брайдеры не могли ориентироваться. Все населеніе крѣпости строго соблюдало это требованіе; огни не закрывались только въ домъ генерала Стесселя. Когда же черезъ жандармовъ сдѣлано было домашнимъ генерала Стесселя напоминаніе объ этомъ, то генераль Стессель пригрозилъ начальнику жандармской команды, ротмистру кн. Микеладзе, посадить его подъ арестъ и продолжалъ держать огни въ своемъ домѣ открытыми.

Ген. Смирнову нужны были деньги для продолженія работъ по укрѣпленію крѣпости, деньги эти были у ген. Стесселя; о необходимости денегъ заявлялъ ему комендантъ ген. Смирновъ и даже, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ получить деньги, лично отправился къ генералу Стесселю и изложилъ ему крайнюю необходимость для крѣпости въ требуемой суммѣ. Но генераль Стессель вторично въ этомъ отказалъ и лишь прибавилъ, что эти деньги принадлежатъ 3-му Сибирскому корпусу

и должны при немъ остаться. На заявленіе ген. Смирнова, что онъ вынужденъ будетъ приостановить работы на укрѣпленіяхъ, ген. Стессель отвѣтилъ, что это не его дѣло.

Въ засѣданіи совѣта обороны 25-го ноября 1904 г. ниж.-полковникомъ Григоренко былъ возбужденъ вопросъ объ увеличеніи дачи войскамъ конины, которая выдавалась по четверть фунта на человѣка два раза въ недѣлю. Предлагая выдавать по четверть фунта на человѣка ежедневно, а больнымъ въ госпиталяхъ по полфунту ежедневно, полковникъ Григоренко мотивировалъ это увеличеніе быстрымъ развитіемъ цынги въ войскахъ и даже въ госпиталяхъ. Совѣтъ обороны единогласно рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и опредѣлилъ: въ виду увеличивающейся заболѣваемости среди нижнихъ чиновъ и наступившихъ холодовъ выдавать на человѣка ежедневно по полчарки водки, четверть фунта конины и полфунта сухарей (изъ полковыхъ запасовъ), сверхъ положенной дачи хлѣба, но генераль Стессель это постановленіе, отмѣнилъ, чѣмъ ген. Смирновъ объясняетъ быстрое развитіе въ войскахъ цынги.

Такъ же дѣло шло и во время самыхъ боевъ.

Когда 22-го декабря 1905 г. было подписано, по приказанію ген. Стесселя, согласіе сдать Портъ-Артуръ, съ этого дня, какъ говоритъ обвинительный актъ, начальникъ укрѣпленнаго района (т. е. Стессель) и его штабъ какъ бы исчезли: ни одного распоряженія, ни одного слова, и они нигдѣ не появлялись. Между тѣмъ участіе ихъ представлялось особенно желательнымъ, ибо личные и имущественныя права мирнаго населенія Портъ-Артура по капитуляціи совершенно не были ограждены. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказались семьи солдатъ и офицеровъ. Первые не были обезпечены ни отпускомъ провіанта, ни выдачей имъ жалованья мужей и пособій, онѣ не были снабжены никакими документами и за ними условіями капитуляціи не были обезпечены квартиры въ казенныхъ зданіяхъ, которыя онѣ занимали въ періодъ осады. Семьи офицеровъ также оказались въ тяжелыхъ условіяхъ, когда имъ было предложено идти къ мужьямъ, для чего онѣ принуждены были идти 19 верстъ пѣшкомъ до станціи желѣзной дороги. Просьбами въ японскомъ комитетѣ подп. Вершинину, бывш. гражданскому комиссару Квантунгской обл., удалось немного улучшить ихъ судьбу. Японцы обѣщали выдавать солдатскимъ женамъ провіантъ для продовольствія и сохранить за ними квартиры, но все это „по возможности“. Для женъ офицеровъ подп. Вершинину удалось черезъ тотъ же комитетъ добиться назначенія 18 китайскихъ арбъ, но изъ нихъ 10 было взято для ген. Стесселя, о чемъ

свидѣтелю, сожалѣя и извиняясь, сообщили въ тотъ же день японскіе офицеры изъ состава гражданскаго комитета.

Отсутствіе распоряженій со стороны г.-л. Стесселя въ періодъ, послѣдовавшій за подписаніемъ капитуляціи крѣпости, и безучастное отношеніе его къ интересамъ мирнаго населенія Портъ-Артура подтверждается также спрошеннымъ въ качествѣ свидѣтеля, исполнявшимъ в.-прокурорскія обязанности на Квантунгскомъ полуостровѣ, пом. военнаго прокурора Приамурскаго военно-окружнаго суда полк. Тыртовымъ, который, между прочимъ, показалъ, что по прибытіи его на 19 версту, на станцію желѣзной дороги, онъ видѣлъ всю платформу заваленную ящиками и узлами, въ числѣ не менѣе 70 мѣстъ, задѣланныхъ такъ, что „они могли выдержать не одно кругосвѣтное плаваніе“. Ему, свидѣтелю, объяснили, что это—багажъ г.-л. Стесселя. Свидѣтель припоминаетъ также, что завѣдывавшій хозяйствомъ 14-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка капитанъ Протопоповъ, еще дней за 5 до сдачи крѣпости, говорилъ ему, что есть вѣрный признакъ, что крѣпость скоро будетъ сдана: жена г.-л. Стесселя прислала за слесарями для укладки и упаковки своего имущества.

Свидѣтель полк. Хвостовъ также слышалъ, что въ 14-мъ полку, которымъ командовалъ полк. Савицкій, еще за мѣсяцъ до сдачи крѣпости изготовлялись ящики для вещей г.-л. Стесселя и тогда же всѣ эти вещи укладывались въ ящики. При слѣдованіи свидѣтеля изъ крѣпости Портъ-Артуръ въ Россію свидѣтель лично видѣлъ въ Портъ-Саидѣ баржу, на которую грузились вещи г. Стесселя; ихъ было не менѣе 50 мѣстъ, причемъ было немало очень громоздкихъ.

Обвинительнымъ актомъ ген.-л. Фоку въ вину постановлено то, что, въ то время какъ бой подъ Цзинчжоу начался 13-го мая въ 5 час. утра, онъ, ген.-л. Фокъ, прибылъ на позицію лишь въ 2 часа дня; что, несмотря на заранѣе данныя ген.-лейт. Стесселемъ инструкціи упорно удерживать цзинчжоускую позицію, онъ не исполнилъ приказанія и не принялъ соответственныхъ мѣръ къ отстаиванію; не поддержалъ 5-й восточный сибирскій полкъ, оборонявшій позицію, имѣвшимися у него подъ рукой тремя полками 4-й дивизіи и даже возвратилъ два батальона, посланные для сего командиромъ бригады; что при полной возможности удерживать позицію, несмотря на огонь японскихъ канонерокъ, дѣйствовавшихъ противъ нашего лѣваго фланга, онъ депешою къ ген.-л. Стесселю преувеличилъ опасность положенія отряда, чѣмъ и вызвалъ распоряженіе отступить, и наконецъ что, вопреки приказанію, отступленіе

совершенно было засвѣтло, что подвергло отрядъ потерямъ болѣе значительнымъ, чѣмъ даже во время самаго боя.

Затѣмъ тотъ же ген. Фокъ, назначенный начальникомъ резерва въ крѣпости и получивъ въ дни августовскихъ штурмовъ приказаніе коменданта крѣпости двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта оставшіяся въ резервѣ 14-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ о направленіи имъ полка въ обстрѣливаемые непріателемъ пункты и не только не повелъ самъ послѣднюю часть командуемаго имъ резерва къ назначеннымъ мѣстамъ, но даже не наблюдалъ за исполненіемъ приказанія коменданта, вслѣдствіе чего одинъ батальонъ 14-го полка остался въ казармахъ и къ назначенному пункту не пошелъ.

Наконецъ ген.-лейт. Фоку поставлено въ вину то, что разсылавшимся въ періодъ осады различнымъ начальствующимъ лицамъ своими „Замѣтками“, содержащими во многихъ случаяхъ критику дѣйствій начальствующихъ лицъ, онъ подрывалъ къ нимъ довѣріе и колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности, т. е. умирать въ нихъ, но не уступать врагу. а, напротивъ того, указывалъ на необходимость очищать укрѣпленія и форты, какъ только защита ихъ требовала большихъ жертвъ; ген. же Стесселю то, что, получая „Замѣтки“ ген. Фока относительно дѣйствій различныхъ начальствующихъ лицъ и зная, что такія „Замѣтки“, посылаемые многимъ лицамъ, могли доходить и до войскъ гарнизона и что въ этихъ „Замѣткахъ“ помѣщаются совершенно несправедливыя и весьма оскорбительныя выраженія для лицъ, ведущихъ оборону крѣпости, онъ, ген.-адъют. Стессель, не принялъ мѣръ къ прекращенію этихъ „Замѣтокъ“.

По этому поводу ген.-лейт. Фокъ объяснилъ, что его „Замѣтки“ были вызваны необходимостью помочь ген.-маіору Кондратенко въ исполненіи имъ служебныхъ обязанностей его обнаруженіемъ различныхъ недостатковъ на позиціяхъ и указаніемъ мѣръ для ихъ устраненія. Генераль же Стессель объяснялъ, что ген. Фокъ—старый боевой офицеръ, человекъ отлично храбрый, преданный военной службѣ и зорко слѣдящій за внутреннимъ состояніемъ человека. Всѣ его замѣтки клонились къ пользѣ.

Ген. Стесселю и Рейсу были предъявлены обвиненія въ томъ, что первый изъ нихъ, оставшись самовольно въ Портъ-Артурѣ, въ нарушеніе приказа намѣстника Его Императоръ

скаго Величества на дальнемъ Востокѣ, разъясвившаго права коменданта крѣпости, позволялъ себѣ вмѣшиваться въ распоряженія коменданта по гражданской части въ явный ущербъ населенію, вызывая своимъ несправедливымъ къ нему отношеніемъ и грубостью недовольство, которое не могло способствовать, особенно въ средѣ съ образованіемъ, къ подъему патриотизма до самопожертвованія, а возбуждало, напротивъ, ропотъ; въ томъ, что совершенно произвольно, безъ законнаго основанія, измѣнялъ и отмѣнялъ распоряженія младшихъ начальниковъ и такимъ образомъ вносилъ полную неопредѣленность въ отношенія административныхъ лицъ и учреждений, что не могло не отразиться вредно на дѣлѣ обороны; а второй,— что, исполняя приказанія начальника укрѣпленнаго района, явно нарушавшія существующія узаконенія и превышавшія власть его, онъ, обвиняемый, не докладывалъ своему начальнику соответствующихъ статей законовъ и положенія о крѣпостяхъ, какъ того требуетъ смыслъ узаконеній, опредѣляющихъ обязанности начальниковъ штабовъ.

Понимая, что дешевая уступка японцамъ позиціи при Цзинчжоу, а равно и отдача имъ безъ боя всѣхъ остальныхъ позицій, вплоть до Зеленыхъ горъ, могутъ произвести непріятное впечатлѣніе въ арміи и повлечь за собой отозваніе его изъ крѣпости Портъ-Артуръ, ген. Стессель придалъ всѣмъ своимъ донесеніямъ объ этомъ боѣ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ лично и притомъ съ большою энергіей руководилъ дѣйствіями войскъ. Такъ, въ телеграммѣ командующему манчжурской арміей о цзинчжоускомъ боѣ изложено: „Вой шелъ до 8 ч. вечера, затѣмъ я приказалъ отходить съ позиціи въ Нангалинь, забравъ легкія орудія и пулеметы, а тяжелыя, бывшія китайскія, приказалъ уничтожить. Теперь отходимъ постепенно въ Портъ-Артуръ“ и т. д.

Въ своемъ письмѣ ген.-ад. Куропаткину отъ 1-го іюня 1904 г. ген. Стессель совершенно не согласно съ дѣйствительностью писалъ, что, начиная съ 26-го января, онъ лично не пропустилъ ни одной бомбардировки и всегда бываетъ при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ, тогда какъ въ мѣстахъ боя его никогда не видали.

Стремясь еще болѣе увѣрить своихъ начальниковъ, что въ бою при Цзинчжоу было сдѣлано все возможное для упорнаго удержанія этой позиціи, ген. Стессель въ тѣхъ же донесеніяхъ ходатайствовалъ о награжденіи орденомъ св. Георгія 3-й степени ген. Фока, который проявилъ полную нераспорядительность и растерянность въ этомъ бою, и ген. Надѣина, кото-

рый не имѣлъ возможности проявить въ этомъ бою выдающихся способностей. Кроме того, предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено и въ другихъ случаяхъ неправильное, а иногда даже ложное представленіе ген. Стесселемъ подвѣдомственныхъ ему нижнихъ чиновъ къ наградамъ.

Состоя начальникомъ укрѣпленнаго квантунскаго района и старшимъ начальникомъ въ осажденной японскими войсками крѣпости П.-Артуръ, съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, онъ задумалъ сдать крѣпость японцамъ, для чего, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, состоявшагося 16-го декабря 1904 г., на которомъ громадное большинство членовъ его высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія, къ чему представлялась полная возможность, и, не созвавъ новаго военнаго совѣта, между 3 и 4 ч. пополудни 19-го дек. 1904 г. отправилъ къ командовавшему японской осадной арміей генералу Ногги парламентаря съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея,—послѣ чего согласился на предложеніе начальника сухопутной обороны генер. Фока очистить безъ боя Малое Орлинное гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею В., что значительно ослабило силу обороны крѣпости, а на слѣдующій день, 20-го дек., уполномочилъ своего начальника штаба, полк. Рейса, окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не давъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условий, вслѣдствіе чего полк. Рейсъ и подписалъ тогда же въ дер. Шуйшинъ условія капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, оказавшіяся невыгодными и унижительными для достоинства Россіи, и тѣмъ самымъ опъ, ген.-л. Стессель, не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и воинской чести; сдавъ же крѣпость врагу, онъ, ген.-л. Стессель, не раздѣлялъ участи гарнизона.

Генераль-майоръ Рейсъ обвиняется въ томъ, что, состоя начальникомъ штаба квантунскаго укрѣпленнаго района, зная о намѣреніи ген. Стесселя сдать крѣпость Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ то время, когда численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія обороны ея, и раздѣляя это намѣреніе, согласившись предварительно съ ген. Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніе этого намѣренія въ исполненіе.

Генераль-лейтенантъ Смирновъ обвиняется въ томъ, что, заподозрѣвъ послѣ сдачи 5-го декабря 1904 г. японцамъ форта № 11 о существованіи между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашенія привести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ, вопреки лежавшей на немъ обязанности, не устранилъ тотчасъ же ген. Фока отъ командованія и вообще не принялъ энергичныхъ мѣръ къ воспрепятствованію имъ въ исполненіи ихъ плана, а ограничился лишь отправкой главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить его въ правахъ коменданта, или сложить съ него обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости.

Затѣмъ, узнавъ 19-го декабря о посылкѣ ген. Стесселемъ письма генералу Ноги съ предложеніемъ войти въ переговоры относительно капитуляціи крѣпости, онъ не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ предъ ген.-ад. Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ статьи 62 положенія объ управленіи крѣпостями, а равно и на исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16-го декабря того же года продолжать упорную оборону крѣпости.

Въ первый день въ засѣданіи суда успѣли прочитать только обвинительный актъ, во второй день, 28-го ноября, засѣданіе было отложено вслѣдствіе болѣзни одного изъ членовъ суда.

(Окончаніе будетъ.)

Разочарованіе.

Была пора, ревѣла буря,
Пронесся бѣдствій хороводъ,
И, низко голову понуря,
Стонать измученный народъ.
Стонать—не гнулся подъ ударомъ
И даже счастливъ былъ порой,
Съ артурскихъ кручь ему недаромъ
Сіялъ увѣнчанный герой!
Пришла пора—и нѣтъ героя,
Одна осталась пустота,
Сердца отчаяніемъ кроя,
Легла нѣмая темнота.

С. А. Румянцевъ.

Вороны.

Статья В. А. Пичука.

Помните вы заученную въ дѣтствѣ народную пѣсню-побасенку о воронахъ? если не помните, я напомню вамъ ее.

«Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричить:
—«Воронъ, воронъ, гдѣ бъ намъ пообѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?»
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
—«Будетъ намъ готовъ обѣдъ:
Въ чистомъ полѣ подь ракитой,
Богатырь лежитъ убитый».

Эта давнишняя, или, вѣрнѣе, старинная побасенка неизмѣнно приходила мнѣ въ голову, какъ только я принимался за чтеніе всякаго рода обличительныхъ статей, книжекъ и брошюръ, направленныхъ противъ Куропаткина, Небогатова, Рождественскаго и многихъ другихъ несчастныхъ дѣятелей нашей несчастной войны съ японцами. Особенно же часто припоминается она именно при чтеніи обличеній, направленныхъ противъ генерала Стесселя, хотя бы уже потому, что, живя здѣсь, въ Россіи, въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати мѣсяцевъ, во время геройскаго горестнаго отстаиванія крѣпости Портъ-Артуръ, мы считали Стесселя дѣйствительно богатыремъ. Да и одни ли мы его такимъ считали?! Вспомните, что во Франціи ему готовились поднести по подпискѣ во всей странѣ боевое золоченное оружіе. Несомнѣнно, что и въ дружественной намъ странѣ Стесселя считали героемъ-богатыремъ. Но не успѣлъ онъ добраться до родины, какъ на него посыпался рядъ обвиненій.

Первыя обвиненія были обставлены болѣе или менѣе прилично, однако всѣмъ было ясно, что необходимъ судъ офиціальнѣй, который выяснилъ бы настоящаго виновника паденія крѣпости. И мы, чуть не боготворившіе Стесселя, мало-по-малу, подь впечатлѣніемъ различнаго рода все чаще и чаще появлявшихся извѣстій, развѣнчали нашего героя, хотя и съ болью въ сердцахъ, и не безъ досаднаго чувства, потому что, какъ ни говорите, а „тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“.

А „низкія истины“ между тѣмъ все больше и больше выплывали наружу, особенно въ писаніяхъ двухъ изъ литератур-

ных дѣятелей—гг. Ножина и Купчинскаго. Первый изъ нихъ провелъ довольно долгое время въ крѣпости и бѣжалъ отсюда при пособіи враждебнаго Стесселя начальства, когда Стессель отобралъ отъ него корреспондентскій билетъ и хотѣлъ арестовать его за „неосторожныя“ сообщенія въ мѣстной газетѣ въ родѣ слѣдующихъ: „сегодня кончила вооружаться такая-то батарея“, или „японскіе снаряды не долетаютъ туда-то и туда-то“. Надо замѣтить, что японцы ежедневно читали мѣстную газету и г. Ножинъ могъ бы и самъ догадаться, что такія сообщенія по меньшей мѣрѣ неосторожны. Второй уѣхалъ изъ Портъ-Артура за полгода до его сдачи: въ бояхъ не былъ, на позиціяхъ тоже, но и онъ, какъ и первый, собралъ громадный матеріалъ изъ разговоровъ съ разнаго рода людьми. И Ножинъ, и Купчинскій, не входя въ особенно тщательный разборъ слышаннаго, все помѣщали въ своихъ статьяхъ и книжкахъ. Получилась какая-то каша: изъ официальныхъ документовъ, сплетень и разговоровъ съ умершими и погибшими въ Портъ-Артурѣ.

Ну, какъ тутъ не вспомнить вороновъ, ищущихъ, гдѣ бы имъ пообѣдать? „Правда о Портъ-Артурѣ“ — такъ озаглавлены ихъ писанія. Да вѣдь этой правды желалъ весь русскій народъ, и на нее дѣйствительно накинuloсь все, что есть грамотнаго на Руси.

А Стессель уже былъ преданъ суду. Надъ его обвиненіемъ уже работали военные юристы и спеціальныя комиссіи. Онъ уже былъ убитъ, такъ какъ за неправильную сдачу крѣпости надъ нимъ тяготѣла смертная казнь. Это было хорошо извѣстно его добровольнымъ обвинителямъ. Богатырь уже лежалъ подъ ракушкой, правда, еще не мертвый, но вѣдь, какъ военный, онъ пересталъ жить. И вороны нашли свой обѣдъ.

Читая сообщенія гг. Ножина и Купчинскаго, приходишь въ негодованіе не столько на Стесселя, сколько на авторовъ... Стессель вѣдь самъ по себѣ, но что же смотрѣли остальные, даже тѣ, которыхъ авторы считаютъ хорошими людьми, чего же они молчали? Изъ трусости, изъ низкопоклонства предъ сильнѣйшимъ? Да вѣдь тогда это—та же низость. Самъ того не замѣчая, обличители унизили и тѣхъ, кого старались возвысить. Выкалывая разныя мелкія, грязныя дѣлишки, мало, впрочемъ, доказательныя, авторы обличеній несомнѣнно огрязнили себя, показать свою способность явнаться съ людьми ничѣмъ не брезгающими и обнаруживъ при этомъ легковѣріе, присущее только салонникамъ.

Многіе удивлялись, почему же Стессель молчитъ. Удивлялись и негодовали, и говорили: „Ну, да, видно, здѣсь правда самая

неопровержимая!“. Мѣсяца три тому назадъ заговорилъ и генералъ Стессель въ одной изъ московскихъ газетъ, начавъ печатать въ ней нѣчто въ родѣ своего дневника. На послѣднѣй набросились съ интересомъ, но черезъ нѣсколько дней печатаніе это приостановилось по причинамъ, до сихъ поръ еще не выясненнымъ. Зато теперь на-дняхъ въ Петербургѣ вышла небольшая книжка въ 72 страницы съ крупнымъ заголовкомъ: „Моимъ врагамъ (отповѣдь генерала А. М. Стесселя)“.

Что сказать по поводу этой книжки? Странное она произвела на меня впечатлѣніе. Вотъ она лежитъ предо мной въ коричневаго цвѣта обложкѣ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу ея рисунокъ одной изъ батарей въ Портъ-Артурѣ; въ правомъ углу—подчеркнутая надпись „В. П. Руадзе“; посрединѣ: „Моимъ врагамъ (отповѣдь генерала А. М. Стесселя)“; внизу: „изданіе Е. К.“.

Кто этотъ В. П. Руадзе? Это—тоже портъ-артурскій герой? Или быть можетъ, это—какой либо военный авторитетъ? Вспоминаю. Ни то, ни другое. Я припомнилъ его. Это—судебный референтъ какой-то газеты, молодой человекъ лѣтъ 20-ти. Я помню его въ судѣ по дѣлу адмирала Небогатова. Едва только успѣлъ закончиться судебный процессъ, какъ вышла его довольно объемистая брошюра, посвященная процессу. Она, кажется, называлась „Цусимскій бой“, или просто „Цусима“. Процессъ въ ней былъ изложенъ довольно подробно, хотя и не безпристрастно. Но какое отношеніе г. Руадзе имѣетъ къ генералу Стесселю? Въ дѣ суднаго процесса надъ нимъ не было? Заглядываю внутрь книженки. На трехъ страничкахъ крупной печати предисловіе за подписью В. Руадзе. Затѣмъ слѣдуютъ 45 страницъ собственно „Отповѣди А. М. Стесселя“. Далѣе 8 страничекъ „Отъ автора“ (?); факсимиле извѣстнаго письма генерала Р. И. Кондратенка отъ 18-го сентября 1904 г. къ А. М. Стесселю съ предложеніемъ довести о дѣйствительномъ положеніи Портъ-Артура Его Императорскому Величеству и просить Его разрѣшенія на переговоры о мирѣ и наконецъ „Письмо артура“ изъ „Лѣтописи войны“ за 1905 г.

Я привелъ эти подробности, чтобы показать, что самая внѣшность книжки странная: г. Руадзе считаетъ себя авторомъ книги, когда изъ 72 страницъ ея только 11 принадлежатъ ему, да и въ нихъ-то, какъ оказывается, ничего существеннаго нѣтъ.

Все предисловіе сводится къ тому, что г. Руадзе считаетъ единственными героями Портъ-Артура генераловъ Кондратенка и Стесселя, а обвиненіе Стесселя—обоснованнымъ исключи-

тельно на докладъ бывш. коменданта крѣпости генерала Смирнова, враждебно относившагося къ тому, кого онъ обвинялъ. „Докладъ генерала Смирнова,—говорить г. Руадзе,—это источникъ, изъ котораго, какъ изъ бочки Данаидъ, черпали обвиненія враждебныя генералу Стесселю литераторы, а также, къ сожалѣнью, и комиссія почтенныхъ генераловъ. Все было бы терпимо, если бы „обвиненія“ генерала Стесселя ограничились критикой его дѣятельности, какъ военачальника. Но нѣтъ, въ корнѣхъ „построчной“ любви къ родинѣ они не пощадили ни его имени, ни его чести, они не постѣснялись живо намекнуть, что генераль Стессель являлся корыстолюбивѣйшимъ изъ людей, распуснуть слухи о его баснословныхъ богатствахъ“...

Далѣе въ концѣ предисловія читаемъ:

„И ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту генерала Стесселя! Не какъ военачальника,—нѣтъ,—съ генерала Стесселя достаточно такихъ талантливыхъ защитниковъ, какъ О. А. Сыртлановъ и полковникъ Вельяминовъ,—а ни одинъ авторитетный голосъ не поднялся, чтобы указать на всю неприглядность такой жестокой, отвратительной травли человѣка, ожидающаго суда, суда, который можетъ закончиться смертнымъ приговоромъ. Движимый исключительно чувствомъ справедливости, въ интересахъ истины, я обратился къ генералу Стесселю съ предложеніемъ высказаться при моемъ посредствѣ предъ русскимъ обществомъ“.

Такъ вотъ въ чемъ исторія! Не генераль Стессель обратился за содѣйствіемъ къ г. Руадзе, а самъ г. Руадзе рѣшилъ выступить посредникомъ между генераломъ и русскимъ обществомъ. Да развѣ такъ извѣстенъ г. Руадзе этому русскому обществу? Все же и такому извѣстному лицу не мѣшало бы на всякій случай быть болѣе грамотнымъ и знать, во-первыхъ, что изъ бочки Данаидъ ничего нельзя почерпнуть, ибо она безъ дна, и что если существуетъ „построчная“ любовь къ родинѣ у нѣкоторыхъ писакъ, то не у „комиссін почтенныхъ генераловъ“.

И волей-неволей я при выискѣхъ вышеприведенныхъ цитатъ вспоминаю ту же побасенку: „Воронъ къ ворону летить“...

Чтобы покончить съ г. Руадзе, обращусь непосредственно къ той части книги, которую онъ скромно называетъ „Отъ автора“. Однако надо отдать ему справедливость. Онъ правильно задается вопросомъ: удовлетворится ли общественное мнѣніе приговоромъ суда, если онъ вынесетъ генералу Стесселю приговоръ, коимъ обвинить или оправдаетъ его? Сказать, виновенъ или не виновенъ генераль въ сдачѣ, не трудно: на то

будуть непровержимыя данныя, но и я уже раньше говорилъ, что вѣдь обвинители Стесселя загрязнили и весь портъ-артурскій гарнизонъ. Поэтому я согласенъ съ г. Руадзе въ томъ, что задача суда другая, поважнѣе первой: „выпутать изъ всѣхъ хитросплетеній лжи и клеветы и представить предъ обществомъ, во всемъ ея неприглядномъ, нечистоплотномъ видѣ, ту черную интригу, которая, взявъ непосредственнымъ объектомъ генерала Стесселя, въ сущности роковымъ образомъ направлена къ подрыву коренныхъ основъ военнаго дѣла“.

По-моему, объ этомъ г. Руадзе могъ упомянуть и въ своемъ предисловіи и этимъ ограничиться. Но онъ пошелъ дальше и, на основаніи одностороннихъ свѣдѣній г. Стесселя, начинаеетъ, забывъ только что приведенныя строки, чернить такъ портъ-артурскихъ моряковъ, какъ этого не дѣлаетъ самъ обвиняемый, владѣющій въ своей „Отповѣди“ извѣстнымъ чувствомъ мѣры и корректности.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу слѣдующій отрывокъ изъ авторства г. Руадзе: Указавъ на ненормальныя отношенія между гг. Стесселемъ и Смирновымъ, онъ говоритъ:

„Еще большій абсурдъ представляютъ собою отношенія, возникшія между главнымъ начальникомъ обороны и весьма значительною частью гарнизона, состоявшею изъ чиновъ флота. Какъ это ни невѣроятно, но эта часть, въ лицѣ своихъ начальниковъ, отнюдь не считала себя подчиненною генералу Стесселю. Этотъ взглядъ раздѣлялся, повидимому, и намѣстникомъ, который телеграммою въ довольно рѣзкой формѣ „считаетъ нужнымъ“ напомнить генералу Стесселю о томъ, что флотъ подчиненъ адмиралу Витгефту и долженъ дѣйствовать лишь по его усмотрѣнію. Морскіе начальники такъ и дѣйствуютъ. Они собираютъ свои совѣты, больше похожіе на „митинги протеста“ (помилосердуйте, г. Руадзе, да васъ на эти совѣты не приглашали и отчетовъ о нихъ ни стенографическихъ, ни иныхъ, кромѣ протоколовъ, нигдѣ не было), принимаютъ на нихъ самостоятельныя рѣшенія огромной важности, не считая даже нужнымъ хотя бы просто увѣдомить о нихъ главнаго начальника обороны. Такимъ, напрямѣръ, рѣшеніемъ они безповоротно обрекаютъ флотъ служить пассивною мишенью для одиннадцатидюймовыхъ японскихъ снарядовъ; они, совершенно игнорируя горячіе протесты генерала Стесселя, даютъ флоту безславно и бессмысленно погибнуть на глазахъ у всѣхъ (и все изъ-за одной вражды и интриги по отношенію къ Стесселю?!), погибнуть не въ бою, а именно служа безотвѣтною мишенью для японцевъ. И ни малѣйшей попытки къ сопротивленію, никакого желанія нанести

хоть какойнибудь вредъ неприятелю, хоть немного ослабить его въ предстоящей ему борьбѣ со второю эскадрою. Адмиралы систематически уклоняются отъ великаго боя, предоставляя японцамъ упражняться въ стрѣльбѣ по оставленнымъ многопалубнымъ (?) кораблямъ“.

Прошу извиненія за эту длинную, суконнымъ языкомъ изложенную, цитату изъ произведенія „посредника“ между русскимъ обществомъ и генераломъ Стесселемъ. Весь г. Руадзе сказался въ этой цитатѣ, тутъ и его логика, и его безпристрастїе, и справедливость, и грамотность.

Генераль Стессель въ своей „Отповѣди“ отвѣчаетъ главнымъ образомъ на пункты обвиненія, изложенные въ предъявленномъ ему обвинительномъ актѣ, извѣстномъ уже нашимъ читателямъ, и лишь мимоходомъ касается произведеній гг. Ножина и Купчинскаго.

Пунктъ за пунктомъ опровергаетъ онъ предъявленные обвиненія, иногда очень вѣскими данными или соображеніями, иногда не особенно обоснованными. Прежде всего онъ доказываетъ, что до февраля 1904 г. онъ не былъ комендантомъ крѣпости и за неготовность ея къ войнѣ въ силу этого и отвѣчать не могъ. Онъ былъ комендантомъ города. „Артиллеристы, инженеры, интенданты,—пишетъ г. Стессель,—были мнѣ не подчинены. Я вѣдалъ лишь бригадою и больше ничѣмъ. Моимъ единственнымъ исполнительнымъ органомъ былъ комендантскій адъютантъ“... „Когда началась война, мнѣ подчинили офицеровъ, и я принялъ крѣпость по названію, а по существу—крѣпость по типу строящихся противъ инородцевъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами (курсивъ г. Стесселя), такъ какъ разстояніе, на которое были удалены форты отъ жизненныхъ мѣстъ крѣпости (казармъ, госпиталей, складовъ и т. п.) и которое должно быть во всякомъ случаѣ не менѣ дальности полета снаряда самыхъ сильныхъ метательныхъ орудій противника, въ Артурѣ равнялось въ среднемъ 1½ версты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣ одной версты“. И это тогда, какъ профессоръ Величко проектировалъ первую линію оборонительныхъ фэртвовъ на 10—11 верстъ отъ главной ограды, а вторую—на 4, 6, 8 верстъ.

Не стану приводить дальнѣйшія данныя ген. Стесселя по этому пункту, но и сказаннаго достаточно.

Обвиненіе въ томъ, что онъ узурпировалъ власть коменданта, также отвергается, потому что генераль Куропаткинъ не удалялъ его, а лишь отзывалъ къ себѣ, предлагая сдать должность Смирнову; но Стессель далъ объясненіе, въ кого-

ромъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ передать командованіе генералу Фоку или Кондратенку. „Какъ свидѣтельствуешь теперь самъ генераль Куропаткинъ, онъ, видя, что генераль Стессель обладаетъ подлежащимъ авторитетомъ, рѣшилъ оставить его“.

Такъ, повторяю, пунктъ за пунктомъ иногда очень удачно, а иногда и не совсѣмъ, г. Стессель снимаетъ съ себя обвиненія, обвиняя попутно г. Смирнова и начальство морской обороны, но дѣлаетъ это не такъ, какъ г. Руадзе, а очень корректно, приводя относительно послѣднихъ документальныя данныя.

Между прочимъ, г. Стессель поясняетъ, что начальникъ морской обороны адмиралъ Лощинскій для бѣгства Ножина отъ ареста предоставилъ ему миноносецъ „Расторопный“, который по доставленіи корреспондента въ Чифу былъ взорванъ: миноносецъ стоилъ 1.000.000 рублей.

Интересную вещь сообщаетъ обвиняемый генераль по другому своему частномъ обвинителѣ. Этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что я позволю себѣ привести его здѣсь цѣликомъ.

„Купчинскій (шестъ ген. Стессель)... Этого я почти не помню въ Артурѣ, онъ уѣхалъ до осады и за полгода до сдачи крѣпости. Уѣхалъ онъ на шлюпкѣ съ прибѣжавшимъ въ Портъ-Артуръ корреспондентомъ Борисомъ Тагѣевымъ. И вотъ, спустя большой промежутокъ времени, по возвращеніи изъ плѣна, явился къ генералу Рейсу, уже въ Петербургѣ, унтеръ-офицеръ, сопровождавшій Тагѣева и представилъ его донесеніе. Это донесеніе, въ виду важности, передано въ главный штабъ 30 апрѣля 1905 г. за № 270.

„Тагѣевъ сообщалъ въ немъ, что когда онъ съ Купчинскимъ выѣхалъ на китайской шаландѣ изъ Артура въ Инькоу, на пути имъ на горизонтѣ встрѣтился японскій миноносецъ, который могъ ихъ не замѣтить. Тагѣевъ и бывший съ нимъ унтеръ-офицеръ хотѣли пройти мимо незамѣченными, но Купчинскій вдругъ вскочилъ и сталъ махать бѣлымъ платкомъ миноносцу, послѣ чего послѣдній и взялъ всѣхъ троихъ въ плѣнъ. По донесенію Тагѣева, Купчинскій началъ немедленно рассказывать японцамъ все, что зналъ о Портъ-Артурѣ, несмотря на то, что его никто не спрашивалъ объ этомъ.

„Тотъ же Купчинскій, когда былъ въ Японіи въ плѣну, вращаясь въ кругу плѣнныхъ офицеровъ, которые его еще не знали, былъ посвященъ нѣсколькими нашими офицерами въ планъ бѣгства, которое они хотѣли устроить. Во главѣ заговорщиковъ былъ поручикъ Святополкъ-Мирскій. Купчинскій вы-

даже заговорщиков японцамъ. Всѣ офицеры были арестованы, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Святополкъ-Мирскій, подверглись даже истязаніямъ, а Купчинскій, едва ли не въ знакъ признательности къ нему японцевъ, былъ отпущенъ изъ плѣна, но предварительно избить до безпамятства нашими офицерами за свое шпионство. Всѣ эти факты признаетъ и не можетъ не признать самъ Купчинскій“.

Отмѣчу еще одинъ фактъ изъ „Отповѣди“. Генераль Стессель съ большимъ уваженіемъ относится къ памяти ген. Кондратенка. Ген. Стессель говоритъ, что въ лицѣ покойнаго ему въ Портъ-Артурѣ была послана помощь Божія; считаетъ его военнымъ геніемъ, предъ которымъ онъ „преклонялся“ и котораго „высоко цѣнилъ“.

Слабо обвиняемый ген. Стессель защищаетъ ген. Фока и вообще говоритъ о немъ въ холодномъ тонѣ.

Последняя часть книги—„Письмо артурца“. Оно дышитъ искренностью и представляетъ собою сплошь преклоненіе предъ качествами ген. Стесселя какъ человѣка. Въ письмѣ рисуются отношенія главнаго начальника обороны и къ офицерамъ, и къ нижнимъ чинамъ. Выхваченные эпизоды очень характерны, рассказаны очень живо и картинно; вездѣ генераль Стессель является тѣмъ, что мы привыкли называть отцомъ-командиромъ. И, правду говоря, эти эпизоды читаются съ удовольствіемъ. Я ихъ не стану здѣсь приводить, но не могу не привести одного изъ приказовъ ген. Стесселя, помѣщенныхъ въ этомъ письмѣ. Вотъ онъ, за № 814.

„26 в. с. стрѣлковаго полка, 4 роты, Егоръ Третьяковъ убитъ на укрѣпленіи № 3, вчера, 31^я октября, с. г. Я помню Егора Третьякова; онъ бѣжалъ изъ своего звенигородскаго полка, пробрался въ Артуръ и за побѣгъ изъ полка былъ переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ. Я недовѣрчиво отнесся къ его заявленію о томъ, что онъ, желая драться, убѣжалъ. Служба его, полная отвага, показала, что онъ говоритъ правду; штрафъ ему былъ прощенъ; командиръ полка, полковникъ Семеновъ, уже представилъ его къ георгіевскому кресту и, разумѣется, онъ бы по заслугамъ носилъ его, но Богъ распорядился иначе: вчера, 31 октября, на укрѣпленіи № 3, вражеская пуля уложила молодца на мѣстѣ. Царство тебѣ небесное, герой Егоръ Третьяковъ, объ упокоѣ души твоей будемъ молиться Богу, а грѣхи человѣка ты искушилъ своей геройской смертью. По предоставленной мнѣ Высочайше власти, я пожаловалъ тебя еще 30-го октября знакомъ отличія военнаго ордена 4-й ст., но ты объ этомъ не узналъ. Родные и

родина будутъ тебя чтить, а славные звенигородцы простятъ твой поступокъ, за тебя я прошу у нихъ прощенія. Генераль-адъютантъ Стессель“.

„Читая этотъ приказъ,—говоритъ авторъ письма;—прослѣзился даже г. Ножинъ“...

Интересна справка, приводимая г. Артурцемъ изъ одной иностранной книги „Великая Осада“, относящейся къ Портъ-Артуру.

„Итогъ японскихъ потерь,—говоритъ Норригардъ (авторъ означенной книги),—достигаетъ 105.000, включая раненыхъ и убитыхъ, а общая численность осаждающей арміи во время капитуляціи — 97.000 человекъ. Такимъ образомъ генераль Стессель сражался послѣдовательно не менѣе какъ съ 200.000 человекъ. Такую огромную армію удерживалъ Портъ-Артуръ въ теченіе семи мѣсяцевъ, препятствуя ей принять участіе въ операціяхъ противъ генерала Куропаткина. Это слѣдуетъ всегда помнить при заключеніи счетовъ генерала Стесселя“.

Есть и у г. Артура нѣсколько словъ по адресу г. Купчинскаго.

„Когда ген. Стессель приѣхалъ въ Россію, къ нему пришелъ тотъ самый Купчинскій, который написалъ такъ много грязи въ „Руси“, и предложилъ ему свои услуги для реабилитаціи генерала Стесселя отъ писаній Ножина. Генераль, зная что такое Купчинскій, приказалъ указать ему на дверь. Это было при свидѣтеляхъ. Купчинскій ушелъ, произнося угрозы, говоря, что генераль пожалеетъ, что отказался отъ его услугъ, и вспомнить его“.

Да неужели же это—правда? Говорятъ, что такихъ предложеній было нѣсколько. Впрочемъ, что-жъ, говорятъ! Вѣдь, и г. Рузиде самъ предложилъ генералу Стесселю „высказаться при его посредствѣ“...

„Воронъ къ ворону летитъ, воронъ ворону кричитъ: „Воронъ воронъ, гдѣ бѣ намъ пообѣдать?“. Одинъ унижаетъ, другой возвышаетъ, и оба обѣдаютъ.“

Безъ хлѣба.

Этюдъ И. Волховскаго.

Холодный вѣтеръ свистѣлъ и стоналъ въ стропилахъ крыши и шурился соломинками, оставшимися на крышѣ несъѣденными... Игнатій въ рваномъ платьѣ безъ шапки сидѣлъ на заваленкѣ. Его тусклые, безжизненные, провалившіеся далеко въ темныя орбиты глаза не выражали, казалось, ничего — ни мукъ года, ни жалости по умершимъ нѣсколько часовъ тому назадъ отцу и матери, ни ужаса отъ стона, который время отъ времени доносился изъ избы. Это стонала его молодая жена Луша.

— Ишь... стонеть...—равнодушно глядя предъ собою, проговорилъ онъ и такъ-же равнодушно ткнулъ пальцемъ въ грязь смѣшанную со снѣгомъ. — Кѣсто для ватрушекъ... Гм...—добавилъ онъ и его сѣрое исхудалое лицо неказилось кривой усмѣшкой.

Игнатій взглянулъ на черныя съ разобранными крышами избы, съ трудомъ поднялся съ заваленки, пошелъ въ избу.

— Бревнышко...—беззвучно прошептали его губы и съ его лица не сходила кривая, страшная улыбка.

На широкой лавкѣ, на грудѣ зловонныхъ лохмотьевъ лежала женщина и протяжно, нудно стонала. Изорванная, истрепанная рубаха совсѣмъ не закрывала ея потемнѣвшаго, исхудалаго тѣла. Игнатій, съ той же безумной улыбкой, долго стоялъ предъ женой.

— Хлымъ... — слыло слетѣло съ его языка. Онъ ткнулъ пальцемъ въ вздутый животъ жены и добавилъ:—уа... уа... хы...

Глаза женщины открылись и она не проговорила, а, вѣрнѣе пискнула:

— Уа—а...

Ноги Игнатія не выдержали. Онъ упалъ на жену и долго лежалъ не двигаясь. Луша безучастно смотрѣла на закоптѣлый потолокъ избы и словно не чувствовала боли отъ паденія мужа на ея животъ и тяжести его тѣла.

— Темно... туча идетъ...—запищала она и хмыкнула.

Игнатій зашевелился. Онъ долго ворочался, напрягая все свои силы, чтобы встать, и уперся рукой въ животъ жены, вдавивъ въ него свою ладонь.

— Разныя... краски... Райдуга... — слыло пищала Луша и страшно улыбалась.—А то... темно...

Игнатій безсознательно съѣлъ на вытянутыя тощія ноги жены и хриплымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Райдуга... лѣтомъ... Вонаетъ...

— Темно... хм... И петка...

Игнатій смотрѣлъ съ тою же кривою улыбкою въ окна, а Луша вперла свой мутный взоръ въ потолокъ; оба они роняли слова бессмысленныя, ужасныя и, казалось, понимали другъ друга.

— Хы... Ува... ува... Хм...

Игнатій говорилъ, а его стеклянные, мутные глаза, уставленные въ одну точку, не выражали ничего. Луша же лежала, хрипло и часто дыша, и отвѣчала изрѣдка и не сразу.

— Воженька... Ха... Воженьк...

— Точегъ... Кишки... точеть...

Игнатій замолчалъ и сталъ судорожно паранать пальцами грудь и животъ жены. Сознаніе на мигъ засвѣтилось въ его глазахъ. Съ лица пропала страшная, искажающая лицо улыбка. Но это было только мгновеніе. Снова чудовищная улыбка показалась на лицѣ. Онъ вздрогнулъ, съсжился и, прошипѣвъ проклятіе, безумно впился зубами въ окровавленную грудь жены...

Лицо Луши не измѣнилось. Оно только еще болѣе покрылось темнымъ землястымъ налетомъ. Не то хрипъ, не то стонъ, а можетъ быть, смѣхъ безумія вылетѣлъ изъ ея изсохшей груди.

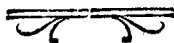
Игнатій захлебывался холодяущею кровью жены и стоналъ. Окровавленные пальцы его рукъ какъ клещи впивались въ ея тѣло. Мертвячая тишина избы нарушалась только прерывистымъ хрипомъ и урчаньемъ... И такъ продолжалось долго.

Свистъ дыханія Луши становился все тише и рѣже. Ея мутные глаза полузакрылись и остановились въ этомъ положеніи...

Безумно, дико захохоталъ Игнатій и отпалъ отъ окровавленной груди жены. Онъ схватился за свой животъ и, скрежеща оскаленными зубами, завылъ звѣрски, страшно, потрясающе...

Словно остроотточенный ножъ переходилъ по его желудку и безыносно его рѣзала. Проклятіе, скверная, гнилая брань вмѣстѣ съ изступленнымъ хохотомъ и душу леденящимъ стономъ вылетали изъ его окровавленнаго рта.

Спокойно смотрѣли въ темный потолокъ мутные полузакрытые глаза Луши и не видѣли, какъ Игнатій, ударившись объ полъ, извивался змѣей отъ страданій и мукъ и въ дикомъ изступленіи рвалъ на себѣ лохмотья одежды. Уши женщины не слышали его нечеловѣческихъ воплей и скрежета зубовъ... Нудно воетъ голодный пещъ и зловѣще каркаетъ ворона, чувствуя себѣ добычу...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Дума безъ маски. (Иллюстрація момента.)	3
Желаніе. Стих. <i>С. В. Тихомирова.</i>	5
Въ государственной думѣ.	6
Дума и партіи.	34
Декларация правительства и отношеніе къ ней государственной думы.	42
Еще о Г. К. Шмидѣ.	53
Дѣло с.-д. депутатовъ второй государственной думы.	59
Дѣло ген. Стесселя.	57
Разочарованіе. Стих. <i>С. А. Румянцева.</i>	68
Вороны. Разсказъ <i>В. А. Пинчука.</i>	69
Безъ хлѣба. Этюдъ <i>П. Волховского.</i>	78
Оглавленіе.	80

РОДИНА "1908 г.

30-й годъ издания.

Съ пересылкой по всей Россіи за годъ 6 р. 30 к.

РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ

2 р.

Ежемесячный **СЕМЕЙНЫЙ** художественно-литературный журналъ „РОДИНА“ (изданіе А. КАСПАРІ) извѣстенъ всей Россіи, какъ выходящій безпартійное издание, служащее удовлетворенію потребности въ художественной литературѣ и способствующее читателямъ въ приобрѣтеніи практическихъ знаний. Проникнутая нравственными и прогрессивными направленіемъ, „РОДИНА“ является желаннымъ другомъ семьи и, при своей обширной программѣ, будетъ давать въ 1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО по НОМЕРУ ЖУРНАЛА и по КНИГѢ!

Въ 1908 г. каждый подписчикъ получитъ:

52 № ЖУРНАЛА въ которомъ предлагаются 52 № „ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и 52 № „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ (юмор.)

61 БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: 12 № „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ 12 № МОДНАГО журн. (ок. 600 рис.), 12 листовъ выкройки, 12 лнст. рисунки любит. раб., 12 лнст. УЗОРОВЪ для рукодѣл. и большой ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1908 г.

СВЕРХЪ всего вышеуказаннаго, „РОДИНА“ дастъ:

24 КНИГИ (двѣ **НОВЫЯ СЕРІИ** **РОМАНОВЪ** ^{1) Ос. ШУБИНА} ^{2) М. КРЕТЦЕРА})

12 КНИГЪ РОМАНЫ и **ПОВѢСТИ** современныхъ **РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ**

6 КНИГЪ новаго оригинальн. **„ХОЗЯИНЪ-ПРАКТИКЪ“** руководствъ для устр. хуторовъ и вѣс. угодья

6 КНИГЪ нов. сочиненія, служащаго **„ДРУГЪ ХОЗЯЙКИ“** школы домашнего и **ПОЛНОЙ** неваренной книгой

3 КНИГИ руководствъ по **ДОМАШНЕЙ МЕДИЦИНѢ:** Волѣвки: 1) глаза, 2) легкихъ и 3) желудка.

1 КНИГУ, содержащую въ себѣ **КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИКЪ** на 1908 г.

Подписная цѣна „РОДИНЫ“ безъ доставки въ С.-Петербургъ—за годъ **5 р. 50 к.**

Подписная цѣна „РОДИНЫ“ съ доставкой въ С.-Петербургъ—за годъ **6 р. — к.**

Подписная цѣна „РОДИНЫ“ безъ доставки въ Москвѣ—за годъ **5 р. 75 к.**

Подписная цѣна „РОДИНЫ“ съ пересылкой по всей мѣста Россіи—за годъ **6 р. 50 к.**

РАЗСРОЧКА: первый взносъ **2** р., 1-го марта—2 руб., 1-го июня—1 руб., 15-го августа—остальнаго

Подписка и деньги адресуются въ

Издательство А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.
Отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, САДОВАЯ улица, д. 20,
и 2) МОСКВА, Петровская линія, въ конторѣ
Н. Н. Печковской.